

Ю. Словацкій.

МАЗЕПА

Трагедія въ пяти актахъ. ΔΔ

Перевель съ польскаго
Ап. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

Ю. СЛОВАЦКІЙ.

МАЗЕПА

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Дл. ВОЗНЕСЕНСКІЙ.

INSTYTUT
BIBLIOTEKI PAN
WARSZAWA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 73
Tel. 26-68-63

ОДЕССА.

ТИПОГРАФІЯ „ОДЕССКИХЪ НОВОСТЕЙ“, ЕКАТЕРИНИНСКАЯ, 8.
1910.

<http://rcin.org.pl>

24.060

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

КОРОЛЬ ЯНЪ КАЗИМИРЪ.

МАЗЕПА, королевскій придворный.

ВОЕВОДА.

АМЕЛІЯ, жена воеводы.

ЗБИГНЕВЪ, сынъ воеводы отъ перваго брака.

ХМАРА,

ХШОНСТКА,

} придворные воеводы.

КАСТЕЛЯНША.

Королевскіе слуги, дворяне, люди воеводы, ксендзъ и т. л.

Дѣйствіе — въ замкѣ воеводы.

АКТЪ I.

Сцена 1.

Заль, освѣщенный какъ бы для бала.

Воевода, Збигневъ, потомъ кастелянша.

Воевода.

А при мортирахъ фитили сейчасъ зажечь!
Держать ихъ наготовѣ! Ты, панъ Збигневъ,
сынъ мой,

еще разъ погляди, устроено-ли все,
какъ слѣдуетъ для королевскаго приема?

Къ входящей кастеляншѣ.

Я радъ привѣтствовать васъ, пани кастелянша.
тѣмъ болѣе, что вижу васъ здоровой, бодрой,

Кастелянша.

А я гляжу, гляжу на замокъ: красота!
Что лампы! Что позолоты!—А супруга пана?

Воевода.

Еще не кончила наряда, не готова.
Но сынъ мой Збигневъ здѣсь ее пока замѣнитъ
для пани. Я тѣмъ временемъ пойду и съ башни
дорогу осмотрю, не жалуется-ли къ намъ
уже король по липовой аллеѣ? Збигневъ,
сумѣй занять почтеннѣйшую гостью!

Кастелянша къ Збигневу.

Панъ

изъ Падуи пріѣхаль?

Збигневъ.

Нѣтъ, уже вернулся

со службы.

Кастелянша.

Вотъ какъ? Значитъ панъ уже въ строю?

Збигневъ.

Я ротмистромъ въ полку гусарскомъ состою.

Кастелянша.

Смотри-на, чтобъ не стать такимъ-же вѣтрого-
номъ
и соблазнителемъ, какъ ротмистры другіе!

Збигневъ.

Избави Богъ!

Кастелянша.

Глазенки такъ вотъ и сверкаютъ,
но есть туманное и грустное въ нихъ что-то...
И есть еще... вотъ въ панцырь вѣеромъ ударю,
и обо всемъ сейчасъ мнѣ пропоетъ сердечко!
Ну, разскажи мнѣ про Италию.

За сценой—большая суматоха.

Воевода.

Холева!

Эй, панъ Холева! что за шумъ тамъ? Хмара!
Хшонетка!

Панъ Хшонетка! Дьяволы забрали всѣхъ васъ,
что-ли?

Ребята!.. Тамъ ужъ сабли зазвенѣли. Надо
идти и успокоить.

Уходить.

Сцена 2.

Збигневъ, кастелянша, панъ Хшонетка — входятъ
черезъ другія двери.

Хшонетка.

Воевода здѣсь?

Кастелянша.

Да разскажи ты намъ, что значитъ этотъ шумъ?

Хшонетка.

Весьма приекорбный случай, пани.

Кастелянша.

Говори-же.

Хшонетка.

Повозка за повозкой вѣхали къ намъ, пани,
и высадилося шляхты—ну, не сосчитать!

Съ одними прибылъ областной маршалокъ
Щара,

завзятый любомирщикъ и бунтарь; другихъ
привезъ съ собой маршалокъ Ольгопольскій:
бабьимъ

его прозвали, такъ какъ онъ за королеву...

Сошлись у входа въ замокъ эти двое славныхъ
маршалка: съ виду каждый словно-бы патронъ,
amicus средь толпы своихъ друзей, матронъ...

Кастелянша.

Прошу, не увязай въ латыни, какъ въ болотѣ!

Хшонетка.

Стоять другъ противъ друга, и вопросъ у нихъ

идеть о томъ, кто долженъ сдѣлать первый шагъ въ преддверіе. Конечно, оба такъ любезны, никто изъ нихъ не хочетъ оскорбить другого: и съ шапками въ рукахъ—ну, кланяться и вдвое сгибаться, точно ихъ пытаются! Тщетно даже имъ лысины морозила луна. Одинъ кричитъ: я недостойнъ! И другой тогда: я недостойнъ! И они, я полагаю, во-вѣкъ не кончили-бъ обряда почитанья, когда-бъ одинъ изъ наблюдавшихъ эту всю іезуитскую любезность, вдругъ со злобой не выбухнулъ: „да, сдѣлай-же, панъ Щара, шагъ и ушли спрячь!“ Услышавъ это, Ольгопольскій, —какъ молнія съ небесъ—въворота! То увидя, сейчасъ туда-же и панъ Щара, *accelerans* съ нимъ вровень шагъ... О, Боже! если-бъ пани знала, что тамъ произошло! Лишь только оба сразу вступили въ корридоръ, какъ вмѣстѣ и увязли —носъ съ носомъ, брюхо съ брюхомъ! Тутъ уже напрасно старалась шляхта ихъ толчками и словами продвинуть дальше, въ комнаты: они ни съ мѣста! Ужъ мысль была *sessare* на двое упрямыхъ *inimicos*, и въ воздухъ сверкнули сабли... Такъ, словно въ тѣнной гавани два корабля огромныхъ, что отъ грозныхъ тучъ уносить спѣшно

fortunam...

Воевода за сценой.

Разобрать стѣну! И сквозь проломъ пусть входятъ гости дорогіе... Эй, панъ Хмара, разбить стѣну!

Кастелянша.

Умора, право!

Хшонетка уходитъ.

Сцена 3.

Збигневъ, кастелянша, входитъ Амелія.

Кастелянша.

А скажи мнѣ, кто эта дѣвушка? На ножкахъ башмачки изъ крыльевъ мотылька... Безъ буклей на головкѣ...

Збигневъ.

Вѣдь, это, пани, мачеха моя.

Кастелянша.

Такая
молоденькая? Ну, совѣмъ дитя!

Къ Амелии.

Прошу,
мое прелестное дитя, не отказать
мнѣ въ дружбѣ и смотрѣть, какъ на свою
родную.

Но какъ-же хороша собою! А, панъ Збигневъ:
вѣдь это чудо? Изъ сосѣдокъ ни одна
сравниться съ нею не могла-бы. Не краснѣй:
старухѣ можно говорить. Тебѣ-бы надо
весеннихъ мотыльковъ побольше наловить,
и оборвать имъ крылышки и едѣлать мушки
на личикѣ... И слишкомъ блѣдную воткнула
ты розочку, здѣсь, въ волосахъ... темнѣе нужно!
Она еще совѣмъ невинное дитя!

Панъ Збигневъ, признавайся: къ матери такой
молоденькой—почтенье есть-ли у тебя,
какое быть должно?.. Но какъ-же ты съ ней
вмѣстѣ?..

Ты просто кажешься мнѣ глыбоко холодной!
Ну, поухаживай за матерью-малюткой!

Къ Амелии.

Ты здѣсь, какъ бѣлый голубъ въ клѣткѣ. Этотъ
замокъ
ужасно мраченъ, а тебѣ, вѣдь, нужно солнце.
Что... болтовней тебѣ наскучила старуха?
Болтаю безъ конца... А вотъ и что-то
скажу пріятное: сегодня съ королемъ
прибудетъ панъ Мазепа!

Амелия.

Кто онъ?

Кастелянша.

Кто онъ? Какъ,
несчастливая, о немъ ты не слыхала?

Амелия.

Нѣтъ,
не знаю, пани.

Кастелянша.

Я, вѣдь, ослѣплю тебя,
когда про этого пострѣла золотого
разсказывать начну!.. Иль, можетъ быть, зажгу
сердечко чистое огнемъ неугасимымъ...
Сама его увидишь скоро. Только сердце

его всегда открыто, еловно проѣздныя
ворота: выѣдетъ одна, уже въѣзжаетъ
другая! Взглядъ его, какъ молотъ кузнеца,
бьетъ непрерывно въ бѣдныя сердечка жен-
щинъ

и разбиваетъ ихъ. Пускай-же это будетъ
наукой для тебя!

Стрѣляютъ изъ пушекъ.

Амелія.

О, Боже мой... король!

Кастелянша.

Пока король войдетъ, у насъ еще довольно
есть времени. Внизу тамъ, на крыльцѣ, панъ
Пасекъ

стоялъ съ осанкой попугая и съ большой
бумагой— о, вѣдь, это говорунъ отличный!

Онъ приготовилъ макаронныя*) стихи

для короля... О чемъ, бишь, раньше говорила
я милостивой пани?... Да... такъ пажъ Мазепа...

Подъ носомъ молоко почти что не обошло,
а ужъ о немъ у насъ толкуютъ— просто страсть!

Сцена 4.

Тъ-же, Мазепа появляется черезъ окно, невидимый дѣйствующими лицами.

Кастелянша.

Представь себѣ, какой онъ вѣтрогонъ—Мазепа!
какой обманщикъ и плутишка!

Мазепа про себя

Ба, да тутъ

рѣчь обо мнѣ идетъ!

Кастелянша.

А что за голова
безпутная! И врагъ всѣхъ женщинъ! Онъ змѣю
избралъ своей эмблемой... Да, и волосами
своихъ возлюбленныхъ велѣлъ набить сѣдло!

Мазепа, кланяясь кастеляншѣ, вдругъ.

Неправду вамъ сказали, пани. Я прошу
не вѣрять.

Кастелянша.

Что такое? Какъ сюда попалъ ты?

Мазепа.

Съ луною черезъ щель. Но во время пришелъ

*) Макаронными назывались стихи, гдѣ польскія и латинскія
выраженія переплетались, какъ макароны.

Прим. переводчика.

—за собственную честь вступиться.

Кастелянша.

Какъ-же панъ

сюда вошелъ?

Мазепа.

Какъ мотылекъ, что со двора
влетаетъ черезъ окно.

Кастелянша.

Охъ, плутовская мина!

Окно, вѣдь, высоко.

Мазепа.

А у меня на то
есть лѣсенка: мнѣ изъ волосъ ее сплели.

Кастелянша.

Волосъ возлюбленныхъ?

Мазепа.

Вотъ именно.

Кастелянша.

Зачѣмъ же

въ окно, не въ двери?

Мазепа.

А затѣмъ, что тамъ, въ дверяхъ,
стоитъ панъ Пасекъ, словно церберъ трехго-
ловый;
довольно этого, чтобъ въ жилахъ кровь за-
стыла:

лишь голова одна кончаетъ говорить,
другая начинаеть. Думая, что онъ
не кончитъ никогда, я убѣждалъ оттуда.

Кастелянша.

Ужъ вижу я, что отъ тебя домъ станетъ адомъ,
что ты внесешь сюда тревогу чрезъ окно!

Мазепа.

Откуда мнѣнїе такое злое?

Кастелянша.

Очень

боюсь я шалостей твоихъ. Храни насъ Богъ!
Ты безъ любовныхъ дѣлъ не можешь обойтись...
Но тутъ бы стоило раскаяться сначала!
Какъ влюбишься, мнѣна ухо шепни, въ кого...
Я, старая, тебя не выдамъ!

Мазепа, подымая руку къ сердцу.

Пажъ докажетъ

вамъ, пани кастелянша...

Сцена 5.

Тѣ-же, король, воевода и множество дворянъ.

Воевода.

Вотъ моя жена,
король, почтительно привѣтствуетъ тебя.
И кастелянша тутъ—Робронцкая—изъ Сѣчи...
А это—предъ тобой—единственный мой сынъ
и вѣрный твоего величества слуга.

Король.

Пажъ здѣсь? что это значить?

Мазепа.

Такъ длинна была
привѣтственная рѣчь тамъ, на крыльцѣ, что я
боялся, какъ бы не расплакаться предъ веѣми,
и чрезъ окно вошелъ...

Король.

Смотри, чтобъ чрезъ окно
не вылетѣть тебѣ обратно!

Мазепа.

Разрѣши,
король, мнѣ уповать на лучшую судьбу.

Король къ Амеліи.

Благоволите дать мнѣ вашу руку, пани.
Тѣ огненные своды кажутся теперь
поистинѣ какимъ-то эмпирейскимъ небомъ...
Но вы, прелестная супруга воеводы...

Доканчиваетъ тихо свой комплиментъ.

Воевода.

Прошу гостей почтенныхъ вельѣдъ за коро-
лемъ...

Прошу сюда... Прошу... покорнѣйше прошу!

Всѣ, кромѣ Мазепы, слѣдуютъ въ дальнѣйшія комнаты.

Сцена 6.

Мазепа одинъ

Вотъ странный свѣтъ! Какъ можетъ этотъ
юный ротмистръ
при мачехѣ такой чудесной быть холоднымъ,
какъ ледь? А я... едва ее увидѣлъ, чую,
что таетъ, таетъ сердце... Я уже готовъ
лишь для нея одной и жить и умереть!
Ты вѣрно предсказала, пани кастелянша,
что здѣсь раскаяться придется мнѣ сначала
и... полюбить! Я, можетъ быть, начну, какъ
солнце,

но кончу, какъ подеолнечникъ: такъ сердце
будеть
ворочаться въ груди подъ взглядами ея.

Входитъ воевода.

Воевода.

Что значить это? Развѣ столь мой не достоинъ
вниманья никакого? Я прошу васъ, панъ,
не пренеберечь моими яствами.

Мазепа кланяется и уходитъ.

Сцена 7.

Воевода, Хмара.

Воевода.

Панъ Хмара,
въ саду уже свѣтло? всѣ лампы зажжены?

Хмара.

Уже горять.

Воевода.

Такъ разобрать вели сейчасъ
преграду эту. Пусть для королевскихъ глазъ
приятенъ будетъ замокъ воеводы. Свѣтъ
пусть короля зальетъ!.. Что-жъ, разобрать
стѣну!

Люди исполняютъ приказаніе; въ глубинѣ показывается иллю-
минованный садъ.

Красиво? Отданы-ли всѣ распоряженья?
Что, люди пьютъ? Быка зажарили для нихъ?

Хмара.

Все сдѣлано.

Входитъ панъ Пасекъ.

Пасекъ.

Его величество, король
встаетъ изъ-за стола. Уже велѣлъ слугѣ
подать себѣ приборъ для омовенья рукъ.

Воевода.

Панъ Пасекъ, прикажи-на музыкѣ играть.
Пусть жаритъ польскій!

Сцена 8.

Музыка играетъ полонезъ. Въ первой парѣ выходитъ король
ведя жену воеводы. За ними пажъ Мазепа съ жакетлян-
шей. Въ дальнѣйшихъ парахъ--Збигневъ съ одной изъ дамъ.

Воевода--въ самомъ концѣ.

Король къ Амелии.

Да, пиръ, пани воеводша,

поистинѣ быть названъ можетъ королевскимъ!
Угодно-ль, пани, мы пройдемъ кругомъ по саду?

Амелія

Къ услугамъ вашего величества.

Король къ парамъ.

Прошу

во слѣдъ!

Полонезъ удаляется въ садъ.

Кастелянша, проходя, къ Мазепѣ.

Ну что-жъ, ты уже влюблень?

Мазепа.

Уже.

Первая изъ дамъ къ Збигневу.

Какой вы блѣдный!

Збигневъ.

Вѣроятно, и вчера
я былъ такимъ-же блѣднымъ, пани!

Выходятъ. Полонезъ возвращается изъ сада. Король отпускаетъ
руку Амеліи; во всѣхъ парахъ дѣлаютъ то-же.

Король.

Я просилъ-бы
любезныхъ нашихъ дамъ пройти теперь от-
дѣльно
и осчастливить новымъ выборомъ насъ всѣхъ.

Кастелянша беретъ руку короля, другія дамы выбираютъ кавалеровъ. Амелія остается впереди, а пажъ въ сторонѣ. Полонезъ, составившись, выходитъ, и балъ переносится въ другія залы.

Сцена 9.

Амелія, Мазепа.

Мазепа про себя.

Мнѣ все-же удалось избѣгнуть общей доли
и съ ней вдвоемъ остаться... Что за красота!
Во мнѣ растетъ неизъяснимая тревога:
я—словно гдѣ-то нахожусь въ святыхъ мѣ-
стахъ...

Амелія, не замѣчая его.

Тоскую я... Печаль и боль сжимаютъ сердце...

Мазепа про себя.

Я истомлень уже мучительнымъ волненьемъ...
Какъ тутъ начать?

Къ Амеліи.

Позволено-ли мнѣ просить
на танецъ пани?

Амелія.

Извините, панъ, меня.

Мазепа.

А это значитъ: нѣтъ?

Амелія.

Нѣтъ.

Мазепа.

Голосокъ твой звонкій
у соловьевъ лѣсныхъ мелодіи учился...
Твои глаза отъ синевы небесъ далекихъ
и отъ лучистыхъ звѣздъ, должно быть, на-
учились
такими голубыми быть и такъ всегда,
такъ просто упадать на землю. Но позволь мнѣ
услышать этотъ голосъ, поглядѣть позволь
въ твои глаза... Иначе долженъ буду думать,
что ты разгнѣвалась. Ты вся дрожишь... О, пани,
никто, вѣдь, не войдетъ: все потянулись
велѣдъ
за королемъ по замку. Мы съ тобой одни...
О, странный край! здѣсь розы не хотятъ рас-
крыться,
зажатыя въ устахъ богини! Теперь я вижу
уемѣшку на устахъ. Я долженъ отвести
скорѣе осмѣлѣвшій взоръ, иначе сгубитъ
меня одно движеніе твоихъ бровей!

Амелія.

Не знаю, какъ панъ приметъ простоту мою,
но я должна признаться, что его слова
совсѣмъ не кажутся мнѣ...

Мазепа.

Будь здорова, пани.

И если оскорбилъ тебя...

Амелія.

О, нѣтъ.

Мазепа.

Пойду

и пулю въ лобъ себѣ пущу.

Амелія.

О, такъ шутить!..

Мазепа.

Ничуть. Когда немного опьянѣю,—я
готовъ на все. Теперь иду и буду пить
съ отчаянья.

Амелія.

Ну, а потомъ?

Мазепа.

Ну, а потомъ

изъ своего окна меня увидитъ пани:
увидитъ, какъ я въ лобъ себѣ пускаю пулю.

Амелія.

Панъ шутить.

Мазепа.

Что-жъ еще мнѣ дѣлать, пани? Что?
Играть-ли въ карты? Или вмѣстѣ съ королемъ
читать предлинныя прескучныя молитвы?
Нѣтъ, я ужъ ни во что не вѣрю: въ сердцѣ—
мракъ...

Тебѣ одной еще довѣрился-бъ я, пани,
какъ исповѣднику: вѣдь ты совѣмъ, совѣмъ
похожа на святую. Соловья съ любовью
ты слушаешь... а на душѣ моей есть много
такого, что тебѣ сказалъ-бы, но меня ты
не хочешь слушать!

Про себя.

Зарумянилась она,

а это добрый знакъ!

Громко.

О, будь-же, будь святой,
небесный даръ землѣ! И ласково позволь
во всемъ открыться предъ тобою. У меня
для исповѣди въ сердцѣ набралось годами
не мало тяжелой ноши. Подъ окномъ твоимъ,
навѣрное, садится маленькая птичка
и пѣсенку несвязную поетъ порою
ночь цѣлую. Ужели невозможно, пани,
мнѣ эту птичку замѣнить одинъ лишь разъ?
Иль, можетъ быть, разгнѣваешься ты?

Амелія.

О, Боже!

Мой Богъ!

Мазепа.

Я выпыталъ ужъ раньше во дворѣ
здѣсь обо всемъ. И знаю я, что твой балконъ,
плакучею березой нѣжно осѣненный,
весь въ лиліяхъ...

Амелія.

Панъ, право, очень откровенень,
когда легко такъ признается въ этой роли
шпіона.

Мазепа.

Я за доброй славой не гонюсь.

Амелія.

Панъ упадетъ здѣсь въ пропасть. У меня
есть вѣрный

защитникъ. Онъ сумѣетъ охранить меня.

Мазепа.

Но гибнущаго пани пожалѣетъ?

Амелія.

Это

— напрасныя слова: никто своею жизнью не жертвуетъ безъ всякой цѣли, безъ надежды.

Мазепа.

Я вижу, ты дрожишь,—и въ этомъ для меня великая надежда.

Амелія.

Нѣтъ. Нѣтъ—никакой.

Уходитъ.

Сцена 10.

Мазепа, потсмъ кастелянша.

Мазепа.

Уже, какъ рыбка, ухватилась за крючокъ предательскій. Готовъ поклясться, что она сегодня выглянетъ ко мнѣ въ свое окно. А остальное дьяволъ едѣлаетъ!

Входитъ кастелянша.

Кастелянша.

Гдѣ былъ,

мой ясный панъ, и съ кѣмъ бесѣдовать изволилъ?

Мазепа.

Ни съ кѣмъ, сіятельная пани.

Кастелянша.

Ужъ впилося сердечко, словно клещъ? Тебѣ скажу я что-то. Я все здѣсь примѣчаю... Видѣла, какъ Збигневъ высматривалъ васъ вмѣстѣ... Ты-бы поблѣднѣлъ, когда-бъ его увидѣлъ: онъ казался трупомъ! Ну, не угодно-ль пану проводить меня: возокъ мой ждетъ.

Мазепа.

И мы должны уже лишиться васъ, пани кастелянша?

Подаетъ руку и провожаетъ кастеляншу.

Сцена 11.

Збигневъ и воевода, который въ продолженіе всей сцены провожаетъ гостей съ шапкой въ рукахъ и низко кланяясь

Збигневъ.

Сердце бьется, словно

я упаду безъ чувствъ. Вотъ здѣсь она стояла, не двигаясь, а онъ ей говорилъ... Тревога была замѣтна въ ней. О чемъ онъ говорилъ ей? Въ какихъ словахъ? Я видѣлъ отвернувшись дважды она, какъ будто отъ волненья. Можетъ быть, мнѣ надо было показаться въ это время?.. Для пажа этотъ день могилой будетъ!

Воевода.

Тушить огни! Король готовится ко сну.

Выходить.

Збигневъ.

И вотъ никто изъ добрыхъ духовъ мнѣ не скажетъ, о чемъ они здѣсь говорили. Нѣтъ, я спать не буду. Я пойду теперь бродить по саду, пока отъ этихъ тяжкихъ мыслей не избавлюсь, ласкаемый ночью тишиной. И если она услышитъ, то узнастъ по шагамъ и вспомнитъ обо мнѣ, быть можетъ... Мука! мука!

Выходить.

Сцена 12.

Другая комната въ замкѣ.

Король, воевода со свѣтильникомъ, Мазепа, королевскіе слуги.

Король.

О, я прошу васъ на колѣни предо мной не опускаться.

Воевода.

Не позволить-ли король себя раззуть?

Король, поднимая его.

Нѣтъ, нѣтъ, панъ! Право вы ужъ слишкомъ любезны. Нѣтъ, прошу васъ предоставить насъ ночной монархинѣ Діанѣ, что глядитъ въ тѣ окна древнія. И сами спать идите. Жертвъ требуетъ Морфей, когда ужъ были Вакху онѣ принесены.

Воевода кланяется и выходитъ.

Храни васъ Богъ!

Королевскіе слуги удаляются.

Сцена 13.

Король, Мазепа.

Король.

Поддай
мнѣ требникъ. Небо звѣздами сіяеть... Ave
Maria gratias plena... Мазо!

Мазепа.

Я къ услугамъ.

Король.

Не знаешь ли ты, гдѣ тутъ уложили спать
моихъ придворныхъ?

Мазепа.

Знаю. Съ лѣвой стороны.

Король.

А гдѣ хозяинъ замка спить?

Мазепа.

Не знаю.

Король.

Экій

ты, право дурень!

Мазепа.

Спорить я не стану.

Король.

Ave Maria... Ты не знаешь, гдѣ спить воевода?

Мазепа.

Не знаю.

Король.

И большой же дурень!

Мазепа.

Слышу это

второй ужъ разъ.

Король.

А ты гдѣ спишь?

Мазепа.

Но я совсѣмъ

не сплю.

Король.

А что-же дѣлаешь ты?

Мазепа.

Я пишу

твою исторію.

Король.

Историкъ! Шелопай!

Мазепа про себя.

Ахъ, чтобъ ты лопнулъ, неудачный кардиналъ!

Король.

О чемъ ты тамъ мурлычешь?

Мазепа.

Такъ... одни стихи.

Король.

А я бьюсь объ закладъ, что ночью у тебя свиданье гдѣ-нибудь.

Мазепа.

Быть можетъ.

Король.

Знаю, знаю навѣрное. Ты говорилъ ужъ съ воеводшей?

Мазепа.

Я только прославлялъ предъ воеводшей ваше величество.

Король.

Скажи-ка правду: ты ее еще сегодня будешь видѣть? Признавайся.

Мазепа.

Едва лишь гдѣ-нибудь я сердце примощу, какъ милостивый мой король ревнуетъ!

Король.

Я?

ничуть я не ревную!

Мазепа.

Тотчасъ непременно король становится мнѣ поперекъ дороги!

Король.

Оставь меня въ покоѣ, глупый! Такъ трубишь мнѣ въ уши, что уйду отсюда.

Мазепа.

Набрасываешь на себя лежащій на креслѣ плащъ Мазепы и надѣваешь на голову его шапку.

Мазепа.

Но... король!

Вѣдь, это мой плащъ!

Король.

О, бездушный! развѣ хочешь, чтобъ безъ плаща я простудился по росѣ?

Мазепа.

У вашего величества—свой плащъ.

Король.

Эхъ, ты—молокососъ! Ты хочешь, чтобы ночью всеѣ нетопыри, вся стража — въ королевскомъ платьѣ меня узнала и салютовала-бъ мнѣ, какъ королю?.. Ты, кажется, не боленъ, Мазо, горячкою; и если отъ плаща и шапки я чѣмъ-нибудь и заражусь, то развѣ только твоею глупостью. Ты подожди здѣсь.

Сцена 14.

Мазепа.

Если-бъ
тебя совѣмъ забрали черти, старый грибъ!
Каковъ! Ему еще пристало въ лунномъ свѣтѣ
разгуливать, и мерзнуть въ пажескомъ плащѣ
подъ окнами, и юныхъ женщинъ соблазнять!
О, ортодоксъ проклятый! ортодоксъ про-
тивный!

Еще вчера я волосъ вырвалъ у него
сѣдой. Ну, погоди, въ другой разъ не пой-
маешь
меня ужъ такъ легко. Ей-Богу же, ему
въ моемъ плащѣ — прекрасно, и случиться
можетъ, она окно свое откроетъ передъ нимъ!

Сцена 15.

Король возвращается съ обнаженной шпагой, раненный въ руку.

Король.

Ахъ, негодяй!

Мазепа

Король!..

Король.

Безсовѣтный предатель!

Мазепа.

Что значитъ этотъ крикъ, король?

Король.

Ты на погибель

меня хотѣлъ послать!

Мазепа

Я?

Король.

Подослать убійцу?

Мазепа.

Клянусь вамъ, государь...

Король.

Ты измѣнилъ мнѣ!.. предать!..

Мазепа.

Что вижу на рукѣ у короля... здѣсь кровь?

Король.

Да, объяснись-же, плутъ! Изволь-ка оправ-
даться,

не то не пожажу тебя. Едва я сдѣлалъ
два шага—предо мной какой-то молодецъ,
высокій, какъ сосна, вдругъ появился... Мигомъ
въ его рукахъ сверкнула сабля,—и давай

махать налѣво и направо съ крикомъ: „подлый Мазепа! трусь Мазепа! больше ты не будешь здѣсь ночью лазить подь луною!“

Мазепа.

И король

его не зарубиль?

Король.

Меня не оскорблялъ онъ.

Тебя ругалъ, а мнѣ до этого нѣтъ дѣла.

Мазепа.

Вѣдь, онъ поранилъ руку короля, и знакъ теперь останется на ней.

Король.

Ахъ, чтобъ ты лопнулъ!

Все это долженъ я терпѣть изъ-за тебя,

Мазепа.

Онъ видѣлъ, что король былъ раненъ, уходя отъ нападенія его?

Король.

Да, видѣлъ. Съ сабли

стекала кровь. А этотъ людоедъ кричалъ:

„Какой-же трусь Мазепа! Не смотря на рану, какъ негодяй, онъ убѣгаетъ изъ-подъ сабли!“

Мазепа.

И не убиль его король?

Король.

Что за бѣда мнѣ,

что кто-то тамъ тебя честить, ругаетъ трусомъ?

Мазепа.

Конечно, нѣтъ бѣды.

Король.

Такія оскорбленья

всегда относятся къ тому лицу, какому предназначались,—исключительно къ нему.

Мазепа.

Но, милостивый мой король, вѣдь, завтра кровь возстановитъ свои права.

Король.

Что? что? Какія

она возстановитъ права?

Мазепа.

Названье труса

вернется къ обладателю руки съ кровавымъ отличіемъ.

Король.

Что мелешь ты!
<http://rcin.org.pl>

Мазепа.

Еще разъ это

обдумать соизволь.

Король.

Ступай-на, разбуди
тамъ слугъ моихъ. Пусть собираются. Я завтра
чуть свѣтъ—намѣренъ выѣхать отсюда. Ночь
проклятая!

Мазепа.

Да, ночь проклятая!

Король.

Что дѣлать!

Въ концѣ концовъ уѣдемъ!

Мазепа.

Да, въ концѣ концовъ

уѣдемъ.

Король.

Только... тотъ разбойникъ разболтаетъ?

Мазепа.

Едва-ли онъ нѣмой.

Король.

Проклятая-же ночь!

Мазепа.

Да, оскорбленія относятся къ тому...

Король.

Что шепчешь ты?

Мазепа.

Ага, король! Нашелъ я способъ,
чтобъ можно было здѣсь остаться завтра.

Король.

Ба?

Мнѣ это любопытно.

Мазепа.

Завтра имя труса
придется взять себѣ рукъ съ кровавымъ зна-
комъ.

Король.

И какъ-же честь мою ты хочешь защитить?

Мазепа беретъ шпагу короля и наноситъ себѣ рану.
Вотъ, посмотри, король, какъ изъ руки моей
кровь брызнула!

Король, обнимая его.

Любимое дитя мое!

Мазепа.

Царапина пустая. Если-бъ только могъ,
я для нея, король, себѣ пронзилъ-бы сердце!

АКТЪ II.

Сцена 1.

Галлерея съ арками, выходящими въ садъ. Король, воевода.

Король.

Мой добрый воевода, трудно и повѣрить:
на пажъ было нападенье!

Воевода.

Пусть меня
положатъ въ гробъ, коль я могу хоть что-нибудь
тутъ разобрать.

Король.

Ну ничего. Пусть такъ и будетъ.

Объ этомъ слѣдствія не стоитъ затѣвать.

Воевода.

Возможно-ль? Вашему величеству понятно,
что здѣсь мое достоинство задѣто: въ домѣ
моемъ такое преступленье!

Король.

Никому,

однако, зла оно не сдѣлало большого.
Пажъ только злоупотребилъ на этотъ разъ
своимъ обычнымъ вѣтрогонствомъ, и за то
онъ получилъ, что слѣдовало. Такъ ему
и надо! Пусть не ищетъ постоянно глазокъ
красивыхъ. Вы о чемъ, панъ воевода, такъ
задумались?

Воевода.

Да, правда: онъ для бабъ — приманка.
Но этотъ пажъ теперь ожечься сильно можетъ.
Пускай-бы остерегся. Пусть-бы лучше тутъ
онъ не искалъ себѣ возлюбленныхъ! Мой домъ
совсѣмъ не для того...

Король.

Зачѣмъ вы рвете такъ
свой златотканый поясъ?

Воевода.

Вѣдь, искалъ-то онъ
здѣсь ночью—женщину?

Король.

Не знаю, воевода.

Воевода.

Король позволить мнѣ пойти, чтобъ пригото-
товить

все къ утреннему завтраку?

Король.

Предоставляемъ

вамъ полную свободу.

Воевода уходитъ.

Сцена 2.

Король одинъ.

Охъ, какой ревнивый старикъ! Какъ неприличенъ въ престарѣлыхъ людяхъ такой характеръ. Вотъ смѣшной! Какъ рвалъ усы и беспощадно поясъ теребилъ... Но правду таилъ въ себѣ, и только прилила къ щекамъ увядшимъ кровь. И трясея, словно на плечахъ онъ подымалъ скалу! Я видѣлъ, какъ онъ краснымъ зрачкомъ сверкнулъ на мигъ, когда произно-силъ онъ слово „женщина“... Онъ думалъ про жену. Ой, воевода! Выглядѣлъ, какъ Родзѣиовскій, когда со шведами ѣлъ кашу... Это кто? А, пани воеводша!

Сцена 3.

Король, Амелія.

Амелія.

Мой король, къ тебѣ я съ жалобой пришла.

Король.

О, какъ я гордъ и счастливъ!

Амелія.

Король, меня еще дрожащей отъ испуга ты видишь. Я снесла великую обиду; лицо мое еще пылаетъ отъ нея, я даже говорить не въ силахъ... Пусть король не смотритъ на мое лицо!

Король.

Но кто хотѣлъ-бы, чтобъ эти щечки поблѣднѣли, если ты такъ дивно хороша, когда онъ краснѣютъ.

Амелія.

Меня ты защитишь, король, я вѣрю въ это. Ты защитишь меня, коль не захочешь видѣть меня въ могилѣ. Твой придворный оскорбилъ меня, король!

Король.

Какъ это было?

Амелія.

Я чуть свѣтъ сегодня, какъ всегда, въ часовню шла молиться. Въ саду меня неожиданно встрѣтилъ панъ Мазепа на узенькомъ мосткѣ, закрытомъ отовеюду деревьями... Сталь на колѣни...—поблѣднѣла и залилась слезами я, но повернуть я не хотѣла, чтобъ не выдать страха. Началь онъ говорить, что нѣжный запахъ розъ его ко мнѣ направилъ, что отъ солнечныхъ лучей узналъ онъ обо мнѣ, когда зара выходила... Смутившись, и къ тому-жъ не будучи вполнѣ одѣта — я такъ рано встрѣчи не ждала, — должна была глаза я опустить и тихо на помощь рыбокъ лишь сзывать сквозь водяныя оконца, и у нихъ просить въ бѣдѣ совѣта. Тогда безстыдникъ этотъ злой, увидя блѣдность мою, подумаль, что не только краску щекъ я потеряла, но и стыдъ души... И вдругъ, когда въ волненьи на доскѣ я зашаталась, такъ поддержаль меня, что на лицѣ своемъ почувствовала я его уста...

Король.

Ахъ, чортъ!

Амелія.

И вотъ, обиженная, жалуюсь тебѣ, король, и уповаю, что защитой будешь для чести женщины.

Король.

Ну, осуди его

сама.

Амелія.

Какъ? Мнѣ судить его, а не тебѣ?...

Король, ты въ нашемъ домѣ...

Король про себя.

Вотъ проклятый пажъ!

Къ Амеліи

Есть въ нашемъ кодексѣ безъ счета преступленій,
но нѣтъ въ немъ, пани, именно такой вины
и наказанья для нея.

Амелія.

Тогда, король,
скажи ему, что въ этомъ домѣ оскорбилъ
онъ госпожу; что бьется у него въ груди
не сердце польское, не рыцарское сердце,
а низкое, безсовѣстное сердце. Ты
скажи ему, что для защиты есть у насъ,
у бѣдныхъ женщинъ, лишь презрѣнье; и его
я буду презирать, пока о немъ забуду;
что если-бъ даже падшей женщиной была
я для другихъ,—я и тогда бы для него
осталась недоступной: все-же слишкомъ гордой
и слишкомъ чистой, И скажи, что не имѣя
тогда защитника, я метителя могла-бы
теперь имѣть. Но я его считаю трусомъ,
мое презрѣнье возбуждаетъ только жалость
къ нему! И, наконецъ, скажи ему, король,
что онъ безчестно поступилъ, и прегони
его, чтобъ мнѣ его не видѣть больше.

Король.

Чѣмъ-же
я, пани, заслужилъ, чтобъ ты ко мнѣ пришла
съ своею жалобой?

Амелія.

Я думала, что мнѣ
при королѣ не будетъ стыдно.

Король.

О, счастливый
король, къ которому съ признаніями скром-
ность
приходитъ, чтобъ довѣриться во всемъ. Я
счастливъ,
что ты еще въ слезахъ, что вижу на тебѣ
я брилліанты нѣжной скорби. О, не плачь,
я пажу накажу... даю тебѣ въ томъ слово.
Я накажу, и ты ужъ больше не увидишь
его. Теперь мы о друготъ поговоримъ
съ тобой, прелестная супруга воеводы...
Бьюсь объ закладъ, что сразу угадаю имя
твое: оно должно красивымъ быть и груст-
нымъ.

Ну, какъ тебя зовутъ?

Амелія.

Амелія.

Король.

О Боже!

Всю ночь минувшую подъ окнами моими
пѣль это имя соловей... сквозь сонъ я слы-
шаль.

Теперь ужъ никогда отъ сердца своего
не отгону я этой птички. А тебѣ,
ужель, прелестная, придется увядать
здѣсь, безъ людей, одной?.. Прекрасенъ этотъ
замокъ

надъ озеромъ, но грустенъ, какъ моя тюрьма
во Франціи. Вотъ окна свѣтлыя, и арки,
тѣнистыя аллеи липъ... но трудно, трудно
всю жизнь прожить здѣсь! Развѣ и тебѣ порой,
Амелія, не скучно? Развѣ перемѣны
не жаждешь ты? О, здѣсь плывутъ тоскливо
дни.

Я умерь-бы, пожалуй, еслибъ въ этомъ замкѣ
остался навсегда. Въ такомъ-же заключеніи
когда-то проходили дни мои въ темницѣ
французской. Ахъ, тамъ тоже дѣвушка была,
какъ ты прекрасная лицомъ, и въ каждомъ
своемъ движеніи дорогая мнѣ тогда
и памятная мнѣ понинѣ. Ты красивѣй
ея, но на нее немного ты похожа.

Ты все грустишь, а та была шалуньей рѣзвой.
О, сколько разъ она обманывала стражу
моей тюрьмы, и съ родины письмо, бывало,
въ пучкѣ фіалокъ приносила мнѣ. И запахъ
фіалокъ мнѣ всегда ее напоминаетъ.

Амелія.

Какъ имя той бѣдняжки?

Король.

Клавдія.

Амелія.

Любила

и, вѣрно, умерла отъ горя?

Король.

Нѣтъ, она

теперь вдова маршалка д'Опиталья.

Амелія.

Какъ?

Забыла? измѣнила?

Король,

Будемъ говорить
о чемъ-нибудь другомъ. Теперь, когда вонзились
въ мое чело терновые шипы короны,
чего-бы не далъ я, чтобъ возвратить тѣ годы,

давно минувшіе!.. Тогда давали мнѣ
хлѣбъ твердый, плѣсенью покрытый, а на
окнахъ

была рѣшетка, но у сердца моего
порой другое сердце любящее билось.
О, какъ-же одинокому пріятно, пани,
найти теперь для чувствъ своихъ печальныхъ
такую дивную напереницу! Увидѣть
такія двѣ слезы, двѣ молніи такія
въ очахъ, несущія съ собой и гнѣвный пла-
мень
и вмѣстѣ съ тѣмъ прощенье! Слышать вздохъ
такой

надъ долею своею, и маленькую ручку
такую бѣлую и нѣжную имѣть,
чтобъ слезы отирала. Бросить тронъ, корону,
и безъ друзей, безъ помощи оставить край,
гдѣ люди носятъ въ сердцѣ горькую траву...
Оставить все съ тобою, лишь съ тобою одной,
которая ужъ не оставитъ никогда.

Амелія.

Могу-ли я уйти?

Король.

Нѣтъ, нѣтъ, останься, пани.

Еще одну минуту. Ты не знаешь, видно,
что въ этотъ самый мигъ судьба моя рѣшилась,
что падаетъ корона съ головы моей,
склонившейся предъ чарами твоими, пани.

Амелія.

Позволено-ли мнѣ теперь уйти, король?

Король.

О, гордая! ты противъ воли поцѣлуй
оставила на пажескомъ челѣ, но нынѣ
встрѣчаешь на пути своемъ...

Амелія.

Да, да... я вижу.

Король.

Чело въ коронѣ и...

Амелія.

Холодное...

Король.

Докончи.

Амелія.

И безъ стыда!

Уходитъ.

Сцена 5.

Король, потомъ Мазепа.

Король.

Я самъ набѣдокурилъ, какъ дитя, а пажъ наказанъ будетъ. И прекрасно; онъ мѣшаетъ порядкомъ мнѣ теперь въ намѣреньяхъ моихъ. Какъ посмотрѣтъ, онъ мнѣ частенько измѣняетъ и о своихъ дѣлахъ усерднѣе печется. Отлично: пажика я съ письмами отправлю, останусь здѣсь одинъ, а тамъ прибудетъ помощь...

Входитъ Мазепа.

Ты раньше срока напугалъ мнѣ лебедей! Напрасно глазки опускаешь ты и губы закусываешь. Было на тебя тутъ много различныхъ жалобъ, дуралей. Ты прочь отсюда отправившись, и письма повезешь съ собой къ женѣ. За мною, въ кабинетъ!

Выходитъ въ соседнюю комнату.

Мазепа.

Скажи на милость, какимъ соленымъ сталъ на вкусъ мой ортодоксъ!

Онъ никогда еще не начиналъ такъ зло...

Король за сценой.

Ты! въ кабинетъ, за мной!

Мазепа.

Вотъ, дьяволъ—кардиналъ!

Выходитъ вельдь за королемъ.

Сцена 6.

Входитъ Збигневъ.

Збигневъ.

Я видѣлъ, пажъ вошелъ. И нѣтъ его теперь... я подожду его. И пусть разсудитъ насъ холодное желѣзо. О, убить его!..

Ну, а потомъ убить и самого себя.

Что страшнаго находятъ люди въ тихой смерти: зачѣмъ мы такъ боимся ласковой земли, которая ложится вокругъ чела, и сна со сложенными на груди руками? Смерть! Смерть! Нѣтъ другой дороги предо мною!

Боже!

А если-бъ кто-нибудь вчера еще сказалъ мнѣ, будто на землѣ есть нѣкій человекъ,

въ груди своей носящій сердце человѣка,
и въ то-же время смѣлый болѣе, чѣмъ роза,
что лепестками прикасается къ вискамъ
ея головки!.. Болѣе къ устамъ ея
приблизившійся, чѣмъ ея ручная птичка!..
Счастливый болѣе, чѣмъ воздухъ и чѣмъ
мушки,
которымъ я завидую въ вечерній часъ!..
О, Богъ мой, я не знаю... мнѣ еще вчера
казалось страшнымъ преступленіемъ коснуться
ея лица; сегодня-же... теперь, быть можетъ...
безумный... Но, вѣдь, тотъ, кто самъ въ огнѣ
пылаеть,
бросаетъ пламя на сердца другихъ. И онъ,
какъ поджигатель--виноватъ, когда огонь
свалилъ къ ногамъ судьбы другого человѣка
холоднымъ и нечистымъ трупомъ...

Сцена 7.

Воевода, Збигневъ.

Воевода.

Збигневъ, ты
здѣсь ждешь кого-нибудь? Разрисовалъ, я
вижу,
весь мраморъ шпорой... Что-же за рисунокъ?
О, черепъ! Сынъ мой! ты задумалъ драться?
Стыдно!

Вѣдь, это человѣкъ изъ черни... Воевода
такого можетъ палками забить! Я Хмару
послалъ... Я живо научу его почтенью...
Амелія невинна... этотъ слѣдъ кровавый,
—тамъ, подъ окномъ... она въ томъ непо-
винна...

Но съ пажемъ, что о ней подумалъ такъ, съ
нимъ будетъ
совсѣмъ иная рѣчь. Раскается онъ въ этомъ
подъ палками. Я Хмарѣ поручилъ, уже
послалъ его. Ты старой головѣ моей
все это предоставь. Какъ думаешь, не знала
она объ этомъ?

Збигневъ.

Я готовъ въ томъ присягнуть.

Воевода.

Да, слава Господу: онъ даровалъ мнѣ въ жены
святую женщину. Замѣтилъ, какъ отъ слезъ
ея глазенки покраснѣли?

Збигневъ.

Подозрѣнье

всегда бываетъ больно.

Воевода.

Я послалъ людей,
чтобъ возлѣ тополя большого, у корчмы,
они подстерegli въ дорогѣ негодяя.

Збигневъ.

А какъ-же съ королемъ... когда потомъ узнаетъ?

Воевода.

Я короля считаю господиномъ,—только
не въ домѣ у меня!

Сцена 8.

Тѣ-же, Король и Мазепа.

Король.

Вотъ, воевода,—панъ
отсюда ѣдетъ въ Глуховъ, а затѣмъ вернется
въ Варшаву съ нашего соизволенья. Такъ
рѣшили мы. Позволь же ты ему теперь,
колѣна преклонивъ, раскланяться съ тобою,
и прикажи спустить мосты.

Воевода.

Пусть ѣдетъ... Что-жь!
Счастливаго пути. А отъ меня, прошу,
пусть приметъ саблю съ бирюзовой рукоятью
и не побрезгуетъ еще конемъ арабскимъ
съ очами быстрыми и легкими ногами.
Какъ птица, полетитъ онъ съ паномъ по полямъ
и счастливо домчитъ его къ желанной цѣли.

Мазепа.

Коль ваша воля такова, я принимаю
подарки эти—ваши щедрые дары:
и саблю добрую, и—что еще пріятнѣй—
коня арабскаго. Пусть это будетъ конь,
который черезъ горы, доли и лѣса
и къ трону пажу вознесетъ когда-нибудь,
какъ ужъ давно наворожила мнѣ цыганка.

Король.

Лети, крылатый пажъ мой, по долинамъ.
Вспомни
на тронѣ обо мнѣ, и не забудь тогда
союзникомъ мнѣ быть. Теперь-же, воевода,
пойдемъ пить аликантъ за то, чтобъ дальній
путь
удаченъ былъ для претендента на корону.

Къ Мазепѣ.

А ты смотри, не забывай о письмахъ.

Уходить съ воеводой.

Сцена 9.

Мазепа, Збигневъ.

Збигневъ, вынимая саблю.

Панъ,

за саблю!

Мазепа вынимаетъ саблю.

Знаю я, что это означаетъ.

Збигневъ.

Побереги-ка лобъ.

Мазепа.

Панъ ротмистръ, родомъ я— казакъ, и биться я умѣю. Но совеѣмъ не чувствую охоты саблю съ бирюзой отца воткнуть въ позолоченный панцирь сына;

иль, зарубивши на смерть сына воеводы, какъ роза юнаго,—бѣжать скорѣй изъ замка на воеводиномъ конѣ. Вѣдь, по моей покорности судить ты можешь, панъ, о томъ, какъ я объять раскаяньемъ, какъ я стыжусь разыгранной мной въ этомъ замкѣ роли. Если панъ Збигневъ разрѣшитъ, по братеки съ нимъ мы крѣпко

обнимемся и разойдемся, какъ друзья. Здѣсь, въ замкѣ, колдовство какое-то царило: отъ сада, отъ луны... Оно меня объяло, зажгло огнемъ, любовью... То-же колдовство меня теперь томить, тревожить и велить склониться передъ паномъ и къ нему отнынѣ горячимъ чувствомъ воспылать. Что скажешь ты

на это, панъ? Какъ чуешь: сердце позволяетъ? иль не склоняется къ соглаею оно, далекое? Повѣрь мнѣ, бросимъ нашу распря и станемъ мы друзьями навсегда.

Збигневъ.

Ты шутишь!

Иль, можетъ быть, ты трусь?

Мазепа.

Считаю я, что каждый для чести собственной обязанъ самъ быть стражемъ.

Мнѣ предоставь рѣшать: придти къ тебѣ съ
поклономъ
сумѣю я и безъ урона для нея.

Збигневъ.

Ты этой ночью убѣгалъ?

Мазепа.

А ты, любимецъ
луны, увѣренъ-ли, что ночью отъ тебя
я убѣгалъ?

Збигневъ.

Мой Богъ! Ты подъ моимъ желѣзомъ
шипѣлъ отъ боли, какъ змѣя. Сними перчатку.
Тамъ, на рукѣ твоей, кровавый знакъ остался.

Мазепа.

Увѣренъ-ли ты въ томъ, что именно твои
желѣзо и рука—причина этой крови,
что на рукѣ моей?

Збигневъ.

Увиливаешь подло!

Мазепа.

Я не увиливаю, нѣтъ. Моя рука—
ну, вотъ она. А вотъ и знакъ на ней есть—
правда.

Но ты ея не ранилъ, панъ.

Збигневъ.

Ба! Интересно!

Мазепа.

Когда ты, панъ, узнаешь больше свѣтъ и жизнь,
то убѣдишься, что не разъ нужна бываетъ
утрата чести либо крови для спасенья
лицъ, дорогихъ намъ. Черезъ такое испытанье
ты не прошелъ еще. Межъ тѣмъ ты могъ-бы,
панъ,

на этомъ именно примѣрѣ поучиться
тому, что ни отвагой шумной, ни желѣзомъ
нельзя такъ оградить честь дорогой особы,
какъ мудрой стойкостью. И истинное въ томъ
любви искусство, чтобы сердце было полнымъ
огня, лицо—какъ ледъ холоднымъ и безстра-
стнымъ,

а тайна въ гробъ была-бъ унесена съ собой.

Збигневъ.

Тайнъ никакихъ нѣтъу меня.

Мазепа.

Ну, что-жъ... Быть можетъ,
я заблуждаюсь. Вѣдь, у каждаго есть чаша,
что болѣе иль менѣ горька, а пить
ее онъ долженъ. Я скорблю, когда въ сердца

отравой ежедневно входитъ злая мука...
Мнѣ грустно сдѣлалось, когда замѣтилъ я,
какъ въ мрачныхъ тучахъ рока — кротко,
одиоко
два существа страдаютъ въ жуткой тишинѣ.
Христовой кровью ихъ сердца обагрены,
а губы шепчутъ лишь „увы!“ и добавляютъ
безсильно: „навсегда“... Я самъ—почти дитя,
но предъ такимъ суровымъ, грознымъ приго-
воромъ
судьбы, я боль великую въ груди почувялъ
и жалость, и теперь пожертвовать готовъ
собою...

Збигневъ.

За кого?

Мазепа.

Пусть это будетъ тайной

моей.

Збигневъ.

За саблю!

Мазепа.

О, такъ грозно!

Збигневъ.

Сердце вырву!

Мазепа.

Но отчего ты поблѣднѣлъ, какъ полотно?
Мнѣ поцѣлуй одинъ закрылъ уста навѣки.

Збигневъ.

Ты лжешь, какъ песь!

Мазепа.

Ты слишкомъ ужъ увѣренъ въ этомъ.

Збигневъ.

За саблю, пань!

Мазепа.

Ага, такъ любишь ты ее!

Дерутся. Збигневъ концомъ своей сабли разрываетъ королевскія
письма, которыя пажъ спряталъ у себя на груди, и они выпадаютъ
отъ удара.

Збигневъ.

Вотъ, получай!

Мазепа.

Но ты за то получишь вдвое!

Мазепа выбиваетъ саблю изъ рукъ Збигнева и заставляетъ его
упасть на колѣно.

Збигневъ.

Воспользуйся-жъ теперь удачей и пронзи
мнѣ кости остріемъ.

Маазепа, поднимая его.

Нѣтъ, я прошу тебя
вторично, Збигневъ, будь мнѣ другомъ, будь
мнѣ братомъ...

Не надо больше метить. И гнѣвные слова
и поединокъ послужили лишь къ тому,
чтобъ я узналъ: одинъ-ли ты изъ тѣхъ людей,
что занимаются шпионствомъ низкимъ въ домѣ
отца, и старческой покой его смущаютъ?
Иль благородень ты, но вмѣстѣ съ тѣмъ не-
счастливь?

И вотъ теперь еще сильнѣе я хочу
быть только братомъ для тебя...

Збигневъ бросается въ объятія Маазепы.

Мой Збигневъ! Сердцемъ
своимъ измученнымъ бороться ты готовъ
хоть съ цѣлымъ свѣтомъ. Дорогой мой! бла-
городный!

Я полюбилъ тебя: ты въ этомъ мрачномъ
замкѣ

сияешь словно нѣкій рыцарь древнихъ дней.
Послушай: твой пожаръ пока еще, какъ искра,
но онъ уже тебя съѣдаетъ жадно, хищно...

Еще ничѣмъ себя не запятналъ, пока
еще ни въ чемъ ты не виновень! И твое
терпѣніе святое сохранить сумѣло
покой ея и ангельскую чистоту

въ ея сапфировыхъ очахъ. Но продолжаться
не можетъ это вѣчно и не можетъ долго...

Повѣрь мнѣ, что теперь ты долженъ стать
рабомъ своей судьбы, затѣмъ что не дано тебѣ
стать господиномъ. Нѣтъ надежды никакой...

Оставь ее... Пусть здѣсь она, какъ роза пышно
цвѣтетъ подъ солнцемъ, одиноко отцвѣтая.

Но ты бѣги: тебя уже крыломъ коснулся
зловѣщій духъ огня, тебѣ пора бѣжать!

Повѣрь мнѣ, въ мірѣ есть любовь безъ звѣздъ,
безъ Бога,

безъ неба... Сердце быстро превращаетъ въ
прахъ

она своей мучительной и долгой пыткой,
и оскорбляетъ такъ его, и столько разъ
обманываетъ лживой грезой, ослабляетъ
какимъ-то соннымъ одуреньемъ,—что родникъ
любви въ концѣ концовъ тускнѣетъ навсегда.
Такъ будетъ и съ тобою. Ѣдемъ, другъ мой
Збигневъ,

теперь со мной. И словно пара мотыльковъ,

подхваченныхъ порывомъ вѣтра, мы влетимъ
въ открытое окно варшавскаго дворца,
гдѣ франты глупые въ контушахъ разно-
цвѣтныхъ,
какъ ночью комары, со всехъ сторонъ наслѣли
на старую французенку. Перевернемъ
тамъ все вверхъ дномъ, и шумомъ, смѣхомъ,
звономъ
и шутками все залы во дворцѣ наполнимъ.
Когда-жъ почувствую, что сердце угасаетъ,
его я вновь зажгу у сердца твоего.
Когда же и твое начнетъ ужъ гаснуть сердце,
тогда ни скорбь, ни слезы больше не вернутся,
и будемъ вмѣстѣ пѣть: victoria! Ты видишь:
разсказъ мой, горькій, какъ цикорій, съ глазъ
твоихъ
прогналъ уже все слезы, дорогой мой Збигневъ.
Ну, что-же?

Збигневъ.

Я съ тобою поѣду.

Мазепа.

Буду ждать
тебя подъ деревомъ большимъ, что у корчмы,
къ полуночи.

Збигневъ.

Нѣтъ, тамъ меня не жди... не надо.
Другой дорогой поѣзжай.

Мазепа.

Что? Развѣ тамъ
стоитъ Ракоцы съ войскомъ.

Збигневъ.

Лучше не скажу...
мнѣ стыдно признаваться...

Мазепа.

Ну, тогда въ мѣстечкѣ
ближайшемъ позабавлюсь я игрою въ кости
съ какимъ-нибудь воякой престарѣлымъ.

Збигневъ.

Ты
здѣсь подожди, а я скажу, чтобъ осѣдлали
сейчасъ коня лихого для тебя. На немъ
и вѣтеръ не догонитъ.

Мазепа.

Ну, иди, мой юный
сердечный другъ.

Збигневъ уходитъ.

Сцена 10.

Мазепа одинъ.

Ну, что-же, панъ Мазепа? Можно взаѣмнъ позолоченной маски вновь вернуть свое лицо? Ты, право, говорилъ, какъ ксендзъ; и тщетно дьяволь крикомъ „наго!“ помѣшать старался. Въ святости увязъ ты, какъ въ болотѣ; совсѣмъ не думалъ о себѣ. Два дня такихъ, и послѣ смерти буду по уши сидѣть въ раю... Ба, все-же бѣсъ не дремлетъ... что такое?

Поднимаетъ съ пола королевскія письма.

Какъ! письма короля? Король мнѣ что-то очень сталъ подозрителенъ... Ей-богу, остріемъ печать разсѣчена... О, нѣтъ—я лучше спрячу... я любопытства до смерти боюсь: оно мой вѣчный врагъ. Однако, надвое печать разсѣчена. Ну, только чуточку... чуть-чуть...

Заглядываетъ въ письма.

„Прошу васъ, панъ“.. Онъ въ Глуховъ пишетъ,
коменданту...

Пробѣгаетъ глазами письмо.

Мой Богъ! Все подготовить онъ велитъ, что
надо
для похищенья. Этотъ ортодоксъ задумалъ,
видно,
отнять жену у воеводы... Что-же дальше?
Внизу видна какая-то приписка. Какъ?
Ослѣпъ я, что-ли?

Читаетъ.

Нѣтъ, вотъ: „пана-же Мазепу
немедля въ башню посадить и тамъ держать
до нашего дальнѣйшаго распоряженья“.

Прячетъ письма.

Ахъ такъ, панъ ортодоксъ, меня арестовать,
а старика жену-малютку въ ваши лапы?
Вы полагаете, что все со мною вмѣстѣ—
разини и глупцы, что все мы, словно мушки,
запутаемся въ вашей паутинѣ? Нѣтъ,
теперь я, значитъ, ночью долженъ повидаться
съ женою воеводы. Только ей могу
признаться въ томъ, что мнѣ открыло любо-
пытство

мое ребяческое. Я боюсь чего-то...

Чего? Мое умѣнье, ловкость, правота—
все одолѣютъ. Я ее увижу ночью.

И честь ея и собтвенная смерть моя—
въ моихъ рукахъ, а съ этимъ дѣла погубить
нельзя.

Сцена 11.

Збигневъ возвращается, Мазепа.

Збигневъ.

Конь ожидаетъ.

Мазепа.

До свиданья, Збигневъ.

Уходить.

Збигневъ одинъ.

Все кончено. Я голову склонилъ покорно
предъ силою несчастья. Это мой конецъ.
Погибъ я. Если-бъ знать, что скорбный чело-
вѣкъ
тамъ ангеломъ становится, и ту любовь,
которую искалъ онъ безпокойно здѣсь,
найдетъ онъ тамъ, у Бога! Скоро отъ меня
и тѣни не останется; потомъ ужъ больше
никто въ родномъ краю не вепомнитъ обо мнѣ.
Но черезъ годы гдѣ-то въ страшной тишинѣ
собираются гробы давно умершихъ— вмѣстѣ,
и трупы смрадные бѣлѣютъ и гниютъ
и отвратительныхъ червей они плодятъ...
И если-бъ кто-нибудь, смотря на эти трупы,
напомнилъ о любви, какой-бы смѣхъ въ отвѣтъ
онъ вызвалъ изъ гробовъ! и какъ отъ нихъ
ушелъ-бы
осмѣяннымъ глупцомъ! Все разрѣшаетъ время.
О, благо тѣмъ изъ насъ, кто можетъ пережить
боль, вѣчно гложущую раненное сердце!

Сцена 12.

Збигневъ въ раздумьи. По другую сторону арки видна прибли-
жающаяся Амелія. За нею идетъ Ксендзъ. Амелія оста-
навливается возлѣ Збигнева и ударяетъ его лиліей по лицу.

Амелія.

Что такъ печалень?

Збигневъ.

Нѣтъ... такъ... Только голова

тяжелой стала, какъ свинецъ.

Амелія протягиваетъ Збигневу лилію, но ксендзъ, стоящій за нею,
вырываетъ цвѣтокъ изъ руки Амеліи и говоритъ сурово.

Ксендзъ.

Отдай въ костель.

Святая лилія цвѣтетъ лишь для Христа!

АКТЪ III.

Сцена 1.

Комната воеводы. Воевода, Хмара.

Воевода.

Пажъ, значить, здѣсь теперь, въ саду?

Хмара.

Его своими

глазами видѣлъ я.

Воевода.

Сними-на, панъ, ружье.

Исправень-ли замокъ, попробуй... Что ты

смотришь

такъ на меня? Что? Собери людей скорѣе...

Но тихо, чтобы короля не разбудить.

Иди и будь съ людьми въ саду.

Хмара уходитъ.

О, Боже! Боже!

О, Господи Ісусе—вотъ мои дѣла!

Ты видишь ихъ: я въ замкѣ собственномъ

своемъ

охочусь на любовника моей жены.

Господь, даруй же нынѣ вѣчный свѣтъ умер-

шимъ...

Они умрутъ!.. они погибнутъ въ адской мукѣ!

Уходитъ, вооружившись.

Сцена 2.

Покой Амеліи. Окно открыто на балконъ. Одну сторону занимаетъ альковъ, закрытый занавѣсками.

Мазепа влѣзаетъ черезъ окно.

Все въ замкѣ спить. И въ комнатахъ уже не видно

ни свѣта, ни движенья. Превосходно! Да,

я въ женской комнатѣ... Но гдѣ теперь она?

Быть можетъ, бродить по саду одна въ раздумьи?

Иль, можетъ быть, еще у дѣвушекъ своихъ?

Указывая на альковъ.

А, можетъ быть, тамъ... спать... Что дѣлать?
Заглянуть-ли туда? Альковъ проклятый! О, альковъ, вѣдь ты опаснѣйшая изъ засадъ! За этой легкой пурпуровой завѣсой спать она, быть можетъ, подъ дымкой розовыхъ и нѣжныхъ сновидѣній...

О, дьяволъ, дьяволъ, какъ ты мучаешь меня!
Заглядываетъ въ альковъ и возвращается.

Тамъ пусто. Но клянусь, что не было злой мысли

въ моемъ желаніи раздвинуть занавѣски.
Какъ поступить теперь? Она сюда придетъ... Я скроюсь на балконъ... лишь два три слова ей на вѣрѣ я напишу...

Пишетъ.

„Отправь всѣхъ женщинъ.

Я здѣсь...“

Бросаетъ вѣрѣ.

Мнѣ слышатся шаги... Какъ будто двое...

Да, эти стѣны—роковыя для меня.

Ужъ если здѣсь меня откроютъ, пулю въ лобъ себѣ пушу.

Входитъ въ альковъ и задергиваетъ занавѣски.

Сцена 3.

Амелія. Збигневъ.

Амелія.

Итакъ, въ послѣдній разъ мы видимся съ тобой.

Збигневъ.

Да, мать:

Амелія.

Ты слышишь пѣнье соловьевъ въ саду?

Мнѣ плакать хочется... Несчастлива я... несчастна!

Збигневъ.

Несчастлива... Отчего?

Амелія.

Не знаю. Въ этой жизни я невозможнаго не жажду, ни къ чему напрасно не стремлюсь, и все-же счастья нѣтъ. Не знаю, что со мной? Мы только что съ тобой подъ деревомъ сидѣли: вдругъ мнѣ показалось, что въ воздухѣ ночномъ какой-то страшный звонъ

пронесся... А вчера булабочка моя, та—съ бирюзой, сломалась... Мнѣ ее предъ смертью мать подарила... Это случай, можетъ быть,

ничтожный, но въ своемъ молитвенникѣ я тотчасъ-же на обложкѣ съ грустью записала тотъ день, какъ день плохой... Ахъ, Боже мой, откуда пришла къ тебѣ мысль объ отъѣздѣ? Никогда объ этомъ ты не говорилъ... Одна останусь!.. Но ты еще вернешься?

Збигневъ.

Нѣтъ.

Амелія.

Какъ? Никогда

ужь не вернешься?

Збигневъ.

Нѣтъ. Нѣтъ—больше никогда.

Нѣтъ, никогда!

Амелія.

Теперь ты, какъ скворецъ, уныло твердишь заученное слово. Не могу тебя понять я, право.

Збигневъ.

Будь здорова, мать.

Амелія.

Поди сюда, ко мнѣ... Но отчего-же ты такъ холодно прощаешься со мною, Збигневъ? И говоришь притомъ, что навсегда уходишь... Нѣтъ, я совѣмъ не понимаю... Подойди. Твой лобъ похолодѣлъ, ты поблѣднѣлъ...

Збигневъ.

О, мать!

Мать, пожалѣй!

Амелія.

Молчи... молчи... Я понимаю... Ты такъ упалъ къ моимъ ногамъ... ты такъ упалъ...

Богъ, помоги мнѣ!.. У меня нѣтъ ничего, что дать тебѣ могла-бы, кромѣ слезъ моихъ... Я... я сама страдаю... Ты иди, иди...

Збигневъ.

Мать, пожалѣй!..

Амелія.

Да, кромѣ слезъ... Какимъ стыдомъ на сердце легъ-бы этотъ разговоръ съ тобой, когда-бъ понять тебя теперь я захотѣла. Я ни о чемъ не стану спрашивать... Я буду молиться вѣчно за тебя... И ты не бойся: невинны мы! Господь обильно шлетъ страданья, но можно выпросить у Бога и покой. Тебя на вѣки я благословляю нынѣ...

Я нищая... ты знаешь, ничего тебѣ
дать, кромѣ слезъ, я не могу. И только стыдно
не будетъ, если я, склонившись надъ тобою,
слезами оболую тебя... Ихъ, этихъ слезъ,
ты не забудешь... я прошу... Да, я прошу,
прошу... ты помни эти слезы... и меня.
Перенесу все муки, но прошу тебя:
не думай обо мнѣ нехорошо... вѣдь то,
что говорю теперь, я говорю безъ мысли,
безъ воли... я не сознаю... Прощай!

Збигневъ хочетъ подняться и падаетъ безъ чувствъ.

Въ глазахъ...
темнѣетъ...

Амелія.

Слышишь, тамъ идутъ... О, встань-же, встань...
Отецъ идетъ.

Къ входящему воеводѣ.

Панъ, помоги! твой сынъ упалъ
безъ чувствъ: вотъ онъ лежитъ здѣсь, у меня
въ ногахъ.

Сцена 4.

Тѣ-же, Воевода, Хмара.

Воевода къ людямъ за сцену:

Стеречь все окна, двери! Честь моя пока

нетронутой осталась. Сынъ тутъ былъ на
стражѣ.

Къ Амеліи.

Что, отравила ты его?

Амелія.

Я?

Воевода.

Ты! Вѣдь ты

—безчестная!

Амелія.

Мужъ!

Воевода.

Знаю! Въ комнатѣ своей
ты спрятала любовника! И, вѣрно, чары
какія-то ты напустила на мое дитя:
вошелъ сюда и потерялъ сознание!

Амелія.

Что?

что говоришь ты!

Воевода.

О, измѣнница! умѣешь,
конечно, притворяться! Черная змѣя!
Панъ Хмара, поднеси свѣчу ко рту его.
Что, живъ мой сынъ?

Хмара.

Онъ дышитъ, панъ.

Воевода.

Его сейчасъ

въ садъ надо вынести.

Збигневъ, приходя въ сознание.

Кто... здѣсь... Что это значитъ?

Отецъ!

Воевода.

Безъ лишнихъ словъ, мой сынъ. Ты не
скрывай..

Я знаю обо всемъ. Пусть лучше громы Божьи
и молніи обрушились бы на меня!

А вотъ—виновница, преступная жена,
лиса лукавая, вотъ—эта потаскуха!

Збигневъ.

О, нѣтъ, отецъ! не говори... она невинна!

Воевода.

Нѣтъ, нѣтъ!.. она лишь женщина, какъ гово-
рятъ,

услужливая! но не больше... Такъ, пороку
она не прочь себя...

Збигневъ.

Отецъ мой, ради Бога!

Воевода къ Амеліи.

Какъ плачешь предо мной ты, пани! Какъ
дрожишь

въ испугъ! Есть, чего бояться: здѣсь у насъ
свершится что-то страшное! Ты, пани, слишкомъ
была неосторожна. Плохо ты вела

свою игру... И потому у насъ теперь
окутаютъ все чернымъ и гробы поставятъ
въ костелъ. Приготовься, пани. Чортъ хитро
сумѣлъ подстроить это все. О, какъ безстыдно
твое чело: другая бы уже давно

въ слезахъ къ ногамъ моимъ упала и стопы
съ мольбою цѣловала-бъ.

Амелія.

Я твоя слуга,
но предъ тобою, панъ, ни въ чемъ я не ви-
новна.

Збигневъ бросается къ ногамъ воеводы.

Воевода.

Ты смѣешь за нее просить?

Збигневъ.

Нѣтъ я... я самъ...

Воевода, перебивая.

Такъ ты съ своею матерью—вы, значить, вмѣстѣ
соединились...

Збигневъ.

О, отецъ, ты...

Воевода.

...противъ бѣлыхъ
моихъ волосъ, чтобъ ихъ покрыть позоромъ?

Что же,
пусть Богъ тебѣ поможетъ! Ты на этотъ разъ
прекрасный случай выбралъ для своей защиты!

Збигневъ.

Отецъ, когда бы молнія съ небесъ слетѣла,
своею кровью загасилъ-бы я ее
и самъ-бы всю вину я искупилъ—одинъ!

Воевода.

О, сынъ съ змѣиной кровью! сынъ—холодный
трупъ!

Ужели нѣтъ души въ тебѣ? ужели гнѣвомъ
не загорѣлся ты? Иль молодья кости
твой парализемъ разбиты? Или только
въ тебѣ безсильнымъ сердце сдѣлалъ пара-
личъ?

Збигневъ.

Отецъ, я муку крестную отъ этихъ словъ
несу, но остальное будетъ ужъ безъ муки...
Твой сынъ покорно ждетъ.

Воевода къ Амеліи.

Здѣсь, въ спальнѣ у тебя,
есть человѣкъ?

Амелія.

Здѣсь... у меня?

Воевода.

Теперь смотрите!
смотрите на нее, какъ зашаталась... послѣ
она безъ чувствъ, пожалуй, упадетъ!..

Амелія.

О, нѣтъ,
не упаду. Будь, Матерь Божья, въ этотъ часъ
со мной!

Воевода.

Клянусь, что онъ погибнетъ, твой
любовникъ,
какъ муха... Поищи, панъ Хмара, тамъ въ
альковѣ.

Амелія, задерживая Хмару.

Стой, ты! Сначала вы концами вашихъ сабель
проткните эту грудь, а послѣ прикоснетесь
къ тѣмъ занавѣскамъ! Слушай, мужъ!

Воевода.

Есть человекъ
тутъ, въ комнатѣ твоей... О, женщина—змѣя!

Амелія.

Нѣтъ, Збигневъ... въ комнатѣ моей нѣтъ никого!

Воевода.

Дай убѣдиться въ томъ.

Збигневъ.

Отецъ, подумай раньше,
чѣмъ сдѣлать шагъ, о томъ, что будетъ...
Здѣсь свершится
ужасное! Я вѣрю, и отецъ, отецъ
—ты долженъ вѣрить! И неправда-ли ты вѣ-
ришь?..

Отецъ мой!

Воевода.

Сводникъ!

Збигневъ.

О, отецъ!

Воевода.

Такъ, отчего-же
волнуешься ты и стоишь, какъ мой палачъ?
И отчего ты вѣришь ей? О, часъ позора!
Ты въ сумасшедшій домъ меня готовъ отпра-
вить...

напрасно! Я отлично понимаю все.

Панъ Хмара, прикажи чтобъ люди осмотрѣли
альковъ; тамъ нѣтъ оконъ, и онъ не убѣжитъ.
Къ тебѣ его сюда казакъ притащитъ, пани,
за волосы, и будешь раны лобызать
и цѣловать его въ уста... На грудь его
ты голову положишь, только будетъ грудь—
пуста... Я сердце вырву изъ нея, какъ глазъ
изъ впадины!.. Потомъ тебѣ позволю, пани,
спать рядомъ съ трупомъ. Если-жъ ты не по-
желашь,
я, какъ собаку, привяжу тебя къ нему.

Я страшный дамъ урокъ невѣрнымъ женамъ.
Будутъ онѣ его навѣки помнить!.. И покуда
жить будетъ Польша, не умретъ и имя, пани,
твое въ ряду прославившихся подлыхъ жен-
щинъ,
а мною будутъ дѣтвору стращать!.. Туда
идите, къ занавѣскамъ!

Люди по знаку Хмары хотятъ идти къ алькову.
Збигневъ становится у входа и вынимаетъ саблю.

Збигневъ.

Прикажи, отецъ,
имъ отойти назадъ. Сюда я не пущу ихъ:
ихъ гибель ждетъ.

Воевода самъ дѣлаетъ шагъ впередъ; Збигневъ вынимаетъ писто-
летъ и прикладываетъ къ свосей груди.

Воевода.

Онъ мнѣ перечить вздумалъ?

Збигневъ.

Стой,
отецъ! въ кровь сына у порога вступишь ты!

Воевода.

Упрямый дьяволъ!

Амелія.

Збигневъ, Збигневъ, самъ открой
предъ ними занавѣски. Твой отецъ, я знаю,
не видитъ моего страданья... Пусть-же онъ
глазами убѣдится, ибо у него
глаза—единственное сердце... Онъ лишенъ
другого. Если-бъ было у него оно,
ужь сотни разъ онъ сжалился бы надо мною.

Къ воеводѣ.

О, панъ, ни въ чемъ я неповинна. Нѣтъ на мнѣ
ни одного пятна... но ты... ты посмотри,
что дѣлаешь ты съ сердцемъ женщины! Смотри,
твой сынъ прикладываетъ пистолетъ къ у-
стамъ,
не можетъ выдержать онъ моего мученья...
себя убьетъ онъ, панъ!..

Воевода.

А знаешь, почему
онъ приложилъ свой пистолетъ къ устамъ, и
къ смерти
готовъ? Да потому, что за собой услышалъ
онъ шорохъ человѣка... потому, что даже
здѣсь я его услышалъ...

Амелія.

Этотъ старецъ хочетъ
меня замучить... Збигневъ, ты, вѣдь, ничего
не слышалъ? и старикъ солгалъ?

Збигневъ, какъ бы борясь съ собою, полубезумно.

Нѣтъ... ничего
не слышалъ я... нѣтъ—ничего. Такъ рѣшено:
туда никто ужъ не войдетъ. Христовой грудью
клянусь, ея семью кровавыми рубцами,
что не войдетъ туда никто! Мой Богъ! Мой
Богъ!

Идетъ къ Амелии.

Мать! Мачеха!

Отступаетъ съ отвращеніемъ.

Отецъ, я лягу здѣсь, какъ песъ,
и не войдетъ сюда никто... Ты пожалѣй
меня... Отецъ, я упаду... въ глазахъ темнѣть...
слабѣю я... Я снова упаду безъ чувствъ...
Меня терзаетъ эта сцена... О, отецъ,
твой сынъ ручается тебѣ душой безсмертной,
что никого тамъ нѣтъ... Ужели не довольно
и этого?.. Отецъ, со мной случится то,
что было съ братомъ: ты его убилъ невольно.
Смотри-же, какъ я блѣденъ, какъ я весь дрожу...
я обезсилѣлъ... и еще мгновенье—сердце
не выдержитъ!..

Амелія къ воеводѣ.

Пань, сжался! Не упоретвуй
въ гнѣвъ...

Я такъ страдаю...

Воевода мрачно.

Я тебѣ хотѣлъ-бы, пани,
повѣрить.

Снимаетъ со стѣны крестъ съ распятіемъ.

На крестъ ты поклянешься?

Збигневъ.

Я
хочу поклясться за нее. Что ты задумалъ,
отецъ? Ты женщинѣ присягу предлагаешь.
Самъ будущей безсмертной жизнью поклянусь,
сложивши руки на крестъ. Уста же женщинѣ
похожи на уста младенцевъ: ихъ не надо
ужасными словами омрачать. Отецъ,
дай крестъ, а людямъ прикажи уже уйти.

Про себя.

Что значитъ? И она подходитъ?

Амелія.

Я приму

присягу.

Збигневъ.

Ты?

Амелія.

Конечно.

Збигневъ къ Амелии тихо.

Мать, не подходи

къ кресту!

Амелія кладетъ руки на распятіе.

Клянусь Христовой мукой и душой умершей матери, клянусь той страшной пыткой, которую я вынесла теперь, что я была обвинена невинно. Да проститъ васъ Богъ!

Збигневъ.

Теперь все кончено, отецъ!

Воевода.

Га... все?

Збигневъ.

Она, вѣдь, поклялась.

Воевода.

Аминь!

Збигневъ.

Теперь мы вмѣстѣ уйдемъ, отецъ! Я самъ... какъ будто сплю...

Воевода.

Панъ Хмара, пойди и прикажи чтобъ каменщиковъ мнѣ прислалъ сюда смотритель.

Хмара уходитъ.

Збигневъ.

Что-же это значить?

Воевода.

Его величество, король, имѣть желаетъ здѣсь подѣ-бокомъ молельню. Потому-то, зна-
чить,

и каменщики мнѣ нужны.

Збигневъ.

Отецъ, читаю я что-то страшное въ твоихъ глазахъ.

Воевода.

Нѣтъ, я спокоенъ. Именемъ Христа клянусь, что я,

старикъ, совѣмъ спокоенъ сталъ. Хоть въ
плясъ пуститься
готовъ: такъ весело мнѣ!.. Такъ присяга эта
утѣшила меня. Когда-бъ не то, что смерть—
скелетъ костлявый!—ужъ торопится сюда,
уже стоитъ надъ головой, я до упаду
смѣялся-бы!.. Но сердце умерло уже
во мнѣ, и лишь коснется смерть, разсыплюсь
прахомъ...
Те...е...е... не слышала ты? Какъ будто сапоги
скрипятъ?..

Ты отчего дрожишь?..

Збигневъ.

Ужъ позно... Скоро утро,
отецъ!

Входятъ каменьщики и Хмара.

Воевода.

Альковъ камнями заложить! Не трогать
при этомъ занавѣсокъ.

Збигневъ.

О, мой отецъ, отецъ!
такое недовѣріе...

Воевода.

Но ты ей вѣрь,
моей женѣ; она вѣдь на крестѣ клялась!
Теперь ее я буду защищать, чтобъ въ ложной
присягѣ ты ее не вздумалъ заподозрить...
Все заложить!.. И адскимъ пламенемъ клянусь,
что никогда туда не вступятъ люди. Тайна
тамъ похоронена. Тамъ-черный страшный плодъ
притворства женскаго... Тамъ — наказанье
Божье!..
Тамъ — призракъ, въ темнотѣ блуждающій,
голодный...
тамъ-тѣломъ собственнымъ питающійся нѣкто
съ стеклянными глазами, съ пересохшимъ
ртомъ,
грызущій окровавленные руки... Да,
смотрите, какъ растетъ, растетъ стѣна!.. Вотъ
съ сердцемъ
почти окаменѣлымъ—женщина, жена,
пекущаяся о себѣ, но не о чести!
вдругъ ставшая убійцей изъ прелюбодѣйки!
Сынъ! что ты думаешь о мачехѣ своей?

Въ это время каменьщики заложили уже часть входа. Амелія, сто-
явшая въ глубокомъ раздумьи, бросается къ ногамъ воеводы.

Амелія.

Панъ! мужъ мой!

Воевода.

Что ты скажешь мнѣ?

Амелія.

Прошу,
позволь мнѣ

пока они не заложили до конца...

Воевода.

Ага!..

Амелія.

Въ альковъ войти должна я.

Воевода.

Что-жъ, уже

колеблешься? А присягала!

Амелія.

Я должна

войти туда сейчасъ-же...

Воевода.

Если Богъ захочетъ
тебя соединить, то люди не раздѣлятъ!..
Они почти кончаютъ.

Збигневъ про себя.

День Суда насталь...

О, страшный день!..

Амелія, указывая на альковъ.

Тамъ есть...

Воевода.

Га, кто тамъ
есть? Что дальше?

Амелія.

Тамъ есть живой...

Збигневъ про себя.

Кто? Неужели тамъ—король?

Амелія.

Живой всегда для сердца образъ материнскій.

Воевода.

Клянусь моею честью, выходи очень ловкій!
Прочь отъ колѣнъ! А вы скорѣе тамъ съ ра-
ботой!..

Мы разведемся, пани. Ты кольцо получишь
обратно въ консисторіи, прелюбодѣйка!
Теперь же я тебя запрячу, словно въ море.
На ключъ запрешь ты сердце и не будешь больше
меня позорить!

Хмара.

Пань, окончена стѣна.

Воевода.

Засыпана могила. На стѣнѣ пусть крестъ напишутъ!

Збигневъ находить раскрытый вѣрзь, на которомъ Мазепа написаль о своемъ приходѣ. Читаетъ и прячетъ вѣрзь.

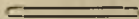
Небо! Что же это?

Воевода.

Уходи отсюда, пани. И не плачь... меня смѣшать такія слезы!.. Прочь отсюда вѣ!.. Здѣсь будетъ молежня короля. А тамъ—за алтаремъ—навѣки будетъ тайна мертвеца храниться, здѣсь вставшая межъ адомъ и тобой, жена... Зловѣщая и мрачная... О, страшный видъ! О скорбный видъ!

Къ Хмарѣ.

А вы, вѣ тѣ, что были здѣсь, молчите, какъ молчить стѣна! *Et requiescat in pace!* И ступайте прочь отсюда—вѣ!

АКТЪ IV.

Темная комната; единственное окно—съ рѣшетками.

Амелія одна, потомъ Хмара.

Амелія.

Забыли всё... Какъ страшно! Всѣхъ несчастнѣй
того,
кого забыли люди... О, какъ мраченъ блескъ
луны! Уже вторая ночь, а я не сплю...
Не сплю и плачу...

Хмара, входитъ съ кувшиномъ воды и хлѣбомъ.

Пани будетъ ѣсть?

Амелія.

Нѣтъ.

Хмара.

Пани

ужь плакала?

Амелія.

Нѣтъ. Что, панъ Хмара: обо мнѣ
тебя никто еще не спрашиваль?

Хмара.

Нѣтъ, пани.

Амелія.

Никто не думаетъ тамъ обо мнѣ?.. Никто
не хочетъ заступиться?.. Какъ мой мужъ?
Здоровъ-ли?..
Скажи, что отъ свинцовой этой крыши мнѣ
здѣсь холодно... Я въ лихорадкѣ.

Хмара.

Не прислать-ли

для пани доктора?

Амелія.

О, нѣтъ... я не смертельно
больна... Мнѣ только холодно... А ксендзъ
придетъ
ко мнѣ? Ксендзъ-духовникъ?

Хмара.

Сегодня панъ ужасно

разгнѣвался на панича, и цѣлый часъ
все ссорились.

Амелія.

Ахъ!

Хмара.

Да, паничъ стоялъ за то,
чтобъ допустить ксеендза изъ капуциновъ.
Трудно
добиться ладу съ паномъ... Наконецъ, позволилъ.
Вотъ хлѣбъ здѣсь и кувшинъ съ водой...

Пусть пани
немножко подкрѣпится. Потихоньку все
уладится. Два лебедя сегодня пану
напомнили о пани. Къ самымъ окнамъ замка
подплыли и просили корма. Панъ хотѣлъ
ихъ разогнать...

Амелія.

Моихъ любимыхъ лебедей?

Хмара.

Хотѣлъ стрѣлять въ нихъ, даже изъ ружья уже
нацѣлился, но руку задержалъ панъ Збигневъ,
и выстрѣлъ въ воздухъ разсѣялся... Ге, панъ
уже вздыхаетъ... За столомъ вчера онъ взялъ
бокаль, а пить не могъ, и зарычалъ какъ левъ...
Всталъ отъ стола, хотѣлъ разбить стѣну въ
альковѣ...

Ба, на челѣ у пана много думъ тяжелыхъ;
тоскуетъ онъ, и стыдъ его гнететъ... Да только
его я знаю: онъ скорѣе похоронитъ
себя же самого, чѣмъ въ жалости своей
признается... О, гордый панъ! его я знаю:
такимъ ребенкомъ былъ, такимъ сойдетъ въ
могилу.

Его я знаю: честь онъ строго бережетъ.

Амелія.

Панъ Хмара, вѣдь твои слова на воеводу
порой вліяніе имѣютъ. Попроси его,
настаивай, чтобъ осмотрѣлъ альковъ.

Хмара.

Конечно, года не пройдетъ, какъ станетъ все
извѣстно. Но теперь еще нельзя.

Амелія.

Какая

причина?

Хмара.

Тамъ молельня, гдѣ покой былъ пани.

Алтарь, гдѣ былъ альковъ. Король тамъ по-
стоянно
съ молитвенникомъ прячется своимъ. Онъ впалъ
въ экстазъ религиозный, вызвалъ уніатскихъ
поповъ къ себѣ...

Амелія.

Панъ Хмара, собери людей
и ночью прикажи имъ разобрать стѣну.
Панъ убѣдился въ томъ, что осудилъ меня—
невинную, что вѣрною ему женой
была я. Этимъ даже ты окажешь пану
великую услугу.

Хмара.

Но, вѣдь, пани... тамъ
есть человѣкъ! Я заглянулъ тогда въ альковъ...
Какъ трупъ, стоялъ онъ—блѣдный...

Амелія.

Мать Божья! Это
не колдовство-ли было? Иль какой-нибудь
злой духъ тамъ людямъ показалъ свое лицо!
Мать Ченстоховская, помилуй!.. Человѣкъ!
ты видѣлъ дьявола, его зрачки блестѣли
тамъ въ темнотѣ, у ложа моего... Ступай!
ступай-же прочь! Иди—ты лжецъ!

Хмара уходитъ.

Сцена 2.

Амелія одна.

Амелія.

О, если-бъ этимъ
ножомъ убить себя!.. Найти покой!.. уенуть!..
Нѣтъ, нѣтъ... Нѣтъ мужества такого у меня.
И медленно я буду угасать и пить
до дна бокалъ свой горькій. Это что? Шаги
таинственные по ступенямъ слышу снова...
Тамъ кто-то приближается... Должно быть,
кесндзъ...

Сцена 3.

Амелія, Збигневъ входитъ, покрытый капюшономъ, въ одеждѣ
кесндза.

Амелія, бросаея къ нему.

Ты—ангель съ облаковъ! Я звукъ твоихъ шаговъ
узнала, Збигневъ! Это ты!

Збигневъ.

Прочь! прочь! Вдали
стой отъ меня.

Амелія.

Что это значитъ? Можетъ быть,
ты кто-нибудь другой?

Збигневъ, открывая лицо.

Нѣтъ, это я.

Амелія.

Отъ гнѣва
твоей стань, какъ тѣнь, колышется... Зачѣмъ
же ты
ко мнѣ пришелъ?

Збигневъ.

Чтобъ осудить тебя.

Амелія.

За что
меня ты можешь осудить? Ты весь дрожишь...

Збигневъ.

Какъ умирающій, пришелъ я обвинить
тебя, проклясть тебя и предъ тобой лечь тру-
помъ...

Но раньше проклянупу.

Амелія.

Зачѣмъ ты хочешь мучить
меня, несчастную? За что меня ты могъ-бы
проклясть? Вѣдь, ты одинъ, быть можетъ, кто
не долженъ,
кто не имѣетъ права проклинать меня!

Збигневъ,

О, для меня здѣсь былъ Эдемъ. Твои глаза
свѣтили мнѣ, какъ звѣзды избавленья. Гимномъ
небесныхъ ангеловъ казался мнѣ порою
твой заглушенный вздохъ. Твоя душа была
веселой, свѣтлой половиной—омраченной
моей души. Я этого не говорилъ
тебѣ, пока ты бѣлой для меня была.
Теперь ты черная, тебя уже слова
не могутъ запятнать... Теперь бы могъ я даже
сказать тебѣ: люблю... Какъ лгутъ твои глаза!
какъ потемнѣло сердце! какъ уста твои
дрожать, и кажется—ихъ знойное дыханье
на мнѣ: мой лобъ горитъ и сохнетъ отъ него!
О мать, вдали стой отъ меня! Сюда пришелъ я
взглянуть на чудное твое лицо и тихо
надъ красотой людскою посмѣяться. Клятвъ
не требуй больше отъ меня; теперь бы
уже не могъ я присягнуть, что ты невинна,
хотя меня ты ложнымъ клятвамъ научила.

За то теперь взамѣнъ тебя я научу
чему-то... Подожди, я на ухо скажу...
Здѣсь крѣпко... ты волосы могла бы прикрѣпить
къ нему и... Или слушай, — только волосами
закрой лицо, чтобъ стыдъ на немъ не вспых-
нулъ...

Амелія.

Збигневъ!

Збигневъ.

Меня однажды ты слезами обманула;
теперь побереги ихъ для себя... О, какъ любилъ
я эту женщину!.. О, жалости!.. Какъ я
ее любилъ... Богъ! Богъ мой!

Амелія.

Збигневъ!

Збигневъ.

Кто-бы могъ,
наивный, думать, что невѣдомы ей страсти?
Я думалъ—глупый! Помню хорошо теперь,
какія мнѣ нематеринскія объятія
она дарила, какъ не разъ къ вискамъ моимъ
горячими устами прикасалась. Весь
дрожу, когда объ этомъ думаю, и больше
ужъ не могу прогнать изъ памяти такія
воспоминанья, не могу! А ты въ душѣ
смѣялась надо мною? Предостерегаю
тебя: бѣги отъ добродѣтельной любви...
она бываетъ долгой, глупой, никому
не нужной въ жизни и въ концѣ концовъ
всегда—
осмѣянной!

Амелія.

А какъ я за него молилась
сегодня утромъ!

Збигневъ.

Ты?

Амелія.

Ты развѣ знаешь, Збигневъ,
что говоришь ты въ этотъ мигъ?

Збигневъ.

Ты очень любишь

его?

Амелія.

Кого?

Збигневъ.

О, пламя адское! Она
<http://rcin.org.pl>

не знаетъ, спрашиваетъ: кто? Нѣтъ, знаешь!
Твой
возлюбленный!.. Ты знаешь... Этотъ подлый
трусъ,
теперь въ альковѣ погребенный!.. Что, его
ты очень любишь? Говори-же! говори!
Клянусь своей душой, что маленькія ручки
твои застонутъ, сжатая въ моихъ рукахъ,
коль ты не скажешь! Нѣтъ, рыдать не надо... Ты
должна любить его... о, очень! Потому что
ты думаешь, что въ жертву за тебя онъ жизнь
свою принесъ? Ложь! онъ лишился чувствъ
отъ страха!
онъ—трусъ! Какъ въ небѣ Богъ, такъ вѣрно
то, что трусъ онъ!
Отъ страха чувствъ лишился—гадь! Но онъ
очнулся
и проклинаятъ тамъ тебя... грудь раздираетъ
и проклинаятъ, омывая руки кровью
изъ собственной груди. Теперь онъ эту кровь
свою тебѣ въ глаза хотѣлъ-бы бросить,—
вотъ въ тѣ глаза, гдѣ, орошенная слезами,
сіяетъ чистая лазурь! Онъ проклинаятъ
тебя, и тщетно въ стѣны бьетъ и ранитъ руки
о камни, а потомъ отъ голода несетъ ихъ
къ устамъ и пьетъ ихъ кровь... О, этотъ че-
ловѣкъ
теперь проклятыями живетъ!..

Задумывается.

Она его,
умершаго, любить ужъ вѣчно будетъ. Вотъ—
вопросъ: какъ этотъ призракъ вырвать на-
всегда
изъ памяти ея? Иначе мечь себя,
какъ скорпіонъ, своимъ-же ядомъ уничтожить!

Со скорбью и съ жалобой.

Амелія, Амелія, приди сюда...
Вѣдь, я завидую ему, и эта зависть
уже замучила меня. И я стоналъ,
Амелія, какъ этотъ человѣкъ тамъ стонетъ,
какъ онъ—смотри!—я руки грызъ отъ боли...
Буду
завидовать его спокойствію въ гробу,
какъ я завидую теперь его мученью
и голоду. Дай этотъ ножъ мнѣ... Сердце хочетъ
покоя ледяного... И увидишь ты,

что я умѣю, какъ и онъ любить, страдать и умереть... Дай ножъ! И, женщина, узнай, что если-бъ ты меня любила, то и вѣчной твоей любви достоинъ былъ-бы я!

Амелія.

Постой!
Ножъ слишкомъ холоденъ... его я прежде
сердцемъ
своимъ растерзаннымъ согрѣю для тебя...
О, какъ онъ страшенъ, этотъ человѣкъ! Въ
моей
грудивсестынетъ... Замираетъ сердце. Збигневъ!
Увѣренъ-ли ты въ томъ, что тамъ былъ че-
ловѣкъ?

Збигневъ бросаетъ ей вѣрь.

Смотри!

Амелія.

Мой вѣрь... вѣрь матери моей...

Збигневъ.

Читай! На немъ слова есть, по которымъ я узналъ, что былъ тамъ человѣкъ...

Амелія.

Исусъ! О, Боже!
Веди-же къ королю меня: пусть онъ сейчасъ дознание едѣлаетъ... Веди-же! Я невинна, но человѣкъ тамъ гибнетъ, погребенный...

Послѣ

и я погибну отъ стыда, что испытала...
я упаду въ твои объятія умирать,
и ты повѣришь, наконецъ, что я невинна...
О, вы другой увидите меня теперь
предъ королемъ... Я всѣхъ васъ, Збигневъ,—
и тебя—
сумѣю убѣдить... Я все скажу, что знаю...
Потомъ уйду навѣки... Можетъ быть тогда
смягчитесь вы и пожалѣете меня.

Сцена 4.

Тѣ-же, воевода.

Воевода.

Ты предъ его величествомъ должна предстать.
За мною къ королю! Открылось все.

Почти вытаскиваетъ за собою жену.

Збигневъ.

Я долженъ
пойти и защитить ее... Она невинна!

Сбрасываетъ одежду ксеендза и выходитъ.

Сцена 5.

Комната третьяго акта, преобразенная въ молельню. Король стоитъ на ступеняхъ алтаря. Нѣсколько ксеендзовъ. Потомъ воевода, Амелія, затѣмъ—Збигневъ.

Король.

Дѣйствительно, отцы святые, это—словно народная легенда: стѣны стонуть. Трудно тутъ не поддаться страху. Старый воевода мнѣ страннымъ кажется... Жена его исчезла. Быть можетъ, здѣсь заключена...

Воевода входитъ съ Амеліей.

Воевода.

Вотъ, у меня,
король, жена изъ мертвыхъ встала.

Король.

Но въ стѣнѣ
былъ слышенъ стонъ... онъ проникалъ мнѣ въ
кости. Гдѣ-же,
панъ воевода, сынъ вашъ?

Воевода.

Я не знаю.

Входитъ Збигневъ.

Вотъ,
Господь и сына моего прислалъ сюда.

Король.

Да, дивныя дѣла, отцы святые. Это—
край зачарованный. По зову души мертвыхъ
встаютъ здѣсь. Все-же, воевода, въ этихъ
стѣнахъ
хранится тайна. Мы прикажемъ разобрать
сейчасъ стѣну, вотъ въ этомъ мѣстѣ.

Воевода.

Я, король,
хотѣлъ-бы лучше сжечь весь замокъ, не взгля-
нувъ
за ту стѣну... Но если воля такова...
Панъ Хмара, прикажи разбить стѣну... Живѣй,
панъ Хмара! Крикни, чтобы люди шли и взяли
съ собою молоты! Но, милостивый мой

король, пусть драгоценный кладъ, что спря-
танъ тамъ,
принадлежитъ мнѣ одному... Весь! Это все
сокровище!.. Вѣдь было спрятано оно
моей женой!

Король.

Разбить стѣну!

Люди разбиваютъ стѣну, и одинъ изъ ксендзовъ входитъ
въ альковъ

Ну, что-же тамъ?

Ксендзь.

Какой-то человекъ лежитъ здѣсь безъ сознанья.

Король.

Пусть вынесутъ его сюда.

Воевода.

Но онъ, король,

принадлежитъ лишь мнѣ!

Сцена 6.

Тѣ-же и Мазепа, выведенный ксендзомъ изъ алькова.

Король.

Что это значить? Пажъ!

Мой пажъ Мазепа!

Воевода.

Мнѣ, король, слѣпая
судьба дарить, какъ видишь, пажа твоего...
хотя и трупомъ!

Король.

Отпоить его виномъ.

Но воевода, Богомъ я клянусь, что съ сыномъ
отвѣтите вы предъ судомъ и трибуналомъ.

Воевода.

Что-жь? Значить это слишкомъ смѣлый шагъ,
король,
—убить прелюбодѣя?

Король.

Выясните все...

Я вижу, это домъ весьма гостепріимный!
Что приключилось тутъ съ тобою, панъ Ма-
зепа?

Мазепа.

Какъ Лазарь выхожу я изъ-подъ алтаря...
Открою все, король, какъ было. Только раньше

Клялась, а я отъ муки корчился, и сердце готово было разорваться... Я ужъ думалъ, что буря пронеслась, опасность миновала,— но воевода со двора зоветъ людей! Пришли—я слушаю,—и волосы вѣтаютъ на головѣ моей: велитъ онъ заложить альковъ со мною вмѣстѣ камнями. И камни несутъ—я слушаю,—кладутъ и примѣряютъ къ угламъ... но могъ ли выйти я, король? Она, вѣдь, поклялась, и этой женщинѣ никто ужъ никогда не вѣриль-бы. Не вышла я. Но какъ дрожала грудь, когда увидѣлъ я стѣну, поднявшуюся предо мною... Словно могильное молчанье я позналъ... Въ мозгу воспоминанья юныхъ лѣтъ вставали... Руку я протянулъ и встрѣтилъ камень неподвижный, холодный... Началъ сожалѣть о томъ, что я зарыть себя живымъ позволилъ такъ покорно. И ужасъ обуялъ меня. Мысль набѣгала о голодѣ. Повсюду тьма, повсюду камни... Страхъ охватилъ меня и страхъ уже со мной, какъ братъ, не разставался до конца. Не знаю, прошло-ли много времени—во тьмѣ его не счесть,—но я уже себя на веѣ страданья обрекъ. Вдругъ слышу что-то надо мною стонетъ

и шелеститъ... Ищу, ощупываю стѣны дрожащею рукой и нахожу: со мной тамъ канарейка замурована была... Отъ голода она ужъ издыхала. Эти страданья птички, жалобы и трепетанье предсмертное малютки на моей рукѣ тогда такой безумный ужасъ родили во мнѣ, что я упалъ безъ чувствъ...

Король.

Ты тамъ погибъ-бы, какъ муха въ янтарѣ, когда-бъ не я. О чемъ-же ты, воевода, думаешь? Вѣдь, въ томъ, что пажъ воскресъ, мы ничего зазорнаго для чести твоей не видимъ.

Воевода.

Что?

Король.

Произошла ошибка. Пажъ правду говоритъ. Онъ могъ-бы показать тѣ письма: панъ увидѣлъ бы, что были чисты его намѣренья, что онъ, наоборотъ, хотѣлъ спасти честь пана.

Воевода.

Ради Бога! Значитъ,
мнѣ жаловаться не на что, король? Мнѣ надо
довольнымъ быть? съ моимъ позоромъ навсегда
остаться? Такъ? Не правда-ли?

Король.

Позора здѣсь
не вижу никакого.

Воевода.

Это такъ любезно.
Ты ласково щадишь меня, король... Позора
не видишь въ этомъ? Ставлю западню на волка,
ловлю же воробья и чижики! Хочу
альковъ закрыть стѣной, и закрываю въ немъ
прелюбодѣя! Это—невеселый случай,
король! И пусть теперь со мной свершится все,
что Богъ захочетъ, но уже въ своихъ рукахъ
держу я пажу и не выпущу его

Король.

Что? Смѣешь ты?..

Воевода.

Когда олень заходитъ въ пущу
мою,—онъ мой олень! Я хорошо стрѣляю!
Я всѣхъ васъ старой мукою своей теперь
увеселяю... Смѣйтесь-же! И ты, жена,
пока еще жива, посмѣйся!

Король.

Что за мечь
упорная и страшная гнѣздится въ старомъ!

Мазепа.

За пани я вступаюсь: ты, панъ воевода,
ни защититъ ее, ни пожалѣть не хочешь...
Что-жъ дѣлать ей среди обидъ и поношеній?
Тебя я, милостивый мой король, прошу
своимъ соизволеньемъ королевскимъ вѣсь
придать моимъ словамъ. Встѣ мечъ мой об-
наженный:
честь женщины теперь на остриѣ его!
Кто смѣетъ оскорбить ее, пусть вынетъ саблю.
Я требую Господняго суда!

Король.

Даемъ
съ прискорбіемъ свое соизволенье.

Воевода, вынимая саблю.

Буду
съ тобою биться.

Король.

Какъ? Ты самъ, старикъ?

Воевода.

Я буду

соперникомъ того, кто защищаетъ эту
распутницу. И ужъ поистинѣ бы былъ
безжалостенъ Господь, когда-бы я его
не уничтожилъ!

Збигневъ.

Мнѣ, отецъ, ты предоставь
все это. Только—если я погибну, ты
тогда повѣрить долженъ, что она невинна!
И пусть живетъ, счастливая, мою кровью
и Богомъ защищенная отъ клеветы
людской. Ты обѣщаешь мнѣ? Ударъ Господень
не можетъ ошибиться... Обѣщаешь мнѣ?

Амелія къ воеводѣ

Не позволяй ему, не позволяй!.. Онъ хочетъ
погибнуть!

Воевода.

Прочь! Онъ побѣдитъ!.. А ты..

Отталкиваетъ ее

Ну сынъ,
за саблю! Збигневъ, словно дьяволы мнѣ
шепчуть,
что за меня теперь ты отометишь. Въ себѣ
ты чувствуешь-ли это? Если нѣтъ—останься.

Збигневъ.

О смерти я не думаю... О, слишкомъ рано...
да, слишкомъ рано! Что-же, панъ Мазепа, будемъ
съ тобою биться наобумъ при лунномъ свѣтѣ,
иль, можетъ быть, при свѣтѣ факеловъ? Не
лучше-ль
стрѣляться намъ?.. Я предлагаю это. Мѣсто—
въ лѣсу ближайшемъ. Ожидаю пана.

Мазепа.

Я иду.

Збигневъ.

Но, панъ, ты раньше, чѣмъ свершится Божья
воля,
какъ вѣрный рыцарь долженъ преклонить
колѣна
предъ той, которой честь ты будешь защищать.
И пусть она благословитъ тебя, а также
оружіе твое.

Воевода.

Что? Пажъ предъ нею?

Збигневъ,

Да.

И если виновата, то пошлетъ его
своимъ благословеніемъ на гибель. Богъ
не помогаетъ виноватымъ.

Мазепа склоняется передъ Амеліей, которая стоитъ неподвижно.

Воевода къ Амелии.

Слышишь? Ты
своимъ благословеніемъ убиваешь. Дай-же
ему благословеніе. Почему стоишь,
какъ камень? Протяни-же руку!

Амелия, вырывая отъ воеводы руку.

Для чего
панъ мучаетъ меня?

Благословляя Мазепу.

Я васъ Христовой мукой
благословляю!.. Ну, а тотъ— другой?

Воевода.

Того
благословилъ отецъ. Эй, пусть людей отпра-
вятъ
сейчасъ-же въ лѣсъ, чтобъ факелами освѣщали
дорогу сыну.

Збигневъ.

Нѣтъ, не надо. Пусть никто
за мною не идетъ!

Воевода.

Убей его! Но мнѣ
подкрался ужасъ... Уничтожь, какъ гада! Цѣлься
глубоковъ сердце!..

Збигневъ цѣлуетъ руку отца и даетъ знакъ Мазепѣ. Оба уходятъ

Сцена 7.

Тѣ же, кромѣ Збигнева и Мазепы.

Король.

Ты, панъ воевода, словно
остолбенѣлъ... Глазъ отъ земли не отрываешь...
Подумай. Время есть еще остановить
безумцевъ этихъ.

Воевода.

О, не время, нѣтъ! Обиду
такую, какъ моя, смываетъ только кровь.

Еще, король, не время. Вѣдь, виновный дол-
женъ
погибнуть тамъ... А сынъ мой... Вѣдь, мое лицо
ничуть не блѣдно... Сынъ мой предо мною
чистъ
во всемъ... Самъ Богъ несправедливо посту-
пилъ-бы,
когда-бы сынъ мой не вернулся... Ты-се...е..
Прошу,
пусть будетъ тишина... большая тишина...

Минута молчанія. Слышенъ пистолетный выстрѣль.

Ксендзъ.

То Божій судъ.

Воевода.

Я слышу: это выстрѣль сына!
Другой не выстрѣлилъ... Не выстрѣлилъ!.. Уже
чело его покрылось бѣлизною смерти...
уже сгорѣло сердце... Онъ лежитъ предъ сы-
номъ,
у ногъ его... Будь славенъ, Богъ! Ты помогла
мнѣ,

Святая Матерь Божья; сердце старика
Тебя благодарить. Но почему надъ трупомъ
мой сынъ такъ долго остается? Это странно...
Стрѣлялъ одинъ... то выстрѣль сына былъ.

И послѣ
прошли ужъ долгія мгновенья... Тотъ долженъ
уже быть мертвымъ... Отчего-жъ не видно
сына?

Сцена 8.

Тѣ же, Мазепа входитъ съ пистолетомъ въ рукѣ и останавли-
вается передъ королемъ.

Воевода.

А гдѣ-же сынъ мой? Гдѣ мой сынъ?.. И отчего
ты блѣденъ такъ?.. Гдѣ сынъ мой? Говори!
Во имя

Пречистой Дѣвы! Что-же это? Покажи
мнѣ грудь твою!

Бѣжитъ къ Мазепѣ и разрываетъ жупанъ на его груди.

Не раненъ даже?.. Значить,
сынъ мой

убить!.. Убить мой мальчикъ... Сына моего
онъ застрѣлилъ!..

Бросается къ ногамъ короля, лицомъ въ землю.

Король.

Не трогайте его... Оставьте...
Не говорите ничего... Такія раны
лишь сами могутъ излѣчить себя слезами.

Воевода.

Но гдѣ мое дитя? Его хочу я видѣть...
мое дитя...

Выходить

Король.

Послѣдуйте за нимъ.

Одинъ изъ ксендзовъ выходитъ за воеводой.

Сцена 9.

Тѣ-же, кромѣ воеводы.

Король къ Мазепѣ.

Все было

согласно съ правилами чести?

Мазепа.

О, свѣтлѣйшій
король, не спрашивай: примѣромъ благород-
ства
и красоты онъ былъ. Но смерть его печальной
была... Ты на нее взглянуть благоволи,
король: она блѣдна, какъ полотно... стоитъ,
какъ статуя, застывшая въ страданьи... Ангель
теперь уносить, нѣжно усыпляя, душу
ея, она-жъ ему молчаньемъ отвѣчаетъ,
нѣмымъ отчаяньемъ... Смотрите, возвратился
старикъ, вернулея блѣдный призракъ... Отой-
дите!

Онъ—обезумѣвшій—идеть...

Сцена 10.

Тѣ-же, воевода возвращается, неся въ рукахъ окровавленный
платокъ.

Воевода.

Вотъ—на платкѣ
кровь сына моего и старческаго слезы
мои.

Амелія бросается къ нему; безумно:

О, это для меня!..

Воевода бросаетъ ей въ лицо окровавленный платокъ.

Такъ получай-же!

Амелія падаетъ навзничь безъ чувствъ.

А!.. а!..

Король.

Да, это день Суда.

Воевода.

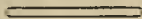
Король, прошу
на погребенье! Будеть у меня оно
торжественнымъ... И ты, мнѣ, пани, не отка-
жешь,
я думаю? И также этотъ пажъ?.. Задвинуть
засовы на воротахъ! Да... и также пажъ!...
И черную хоругвь пусть вывѣсятъ!.. Изъ бо-
чекъ
токайское въ сосуды выпустить! Сейчасъ
мы справимъ тризну.

Король про себя.

Онъ меня, я вижу,
здѣсь хочетъ удержатъ насильно!

Воевода.

Будемъ
изъ бережливости веѣхъ разомъ хоронить!

АКТЪ V.

Сцена 1.

Заль въ замкѣ. Воевода и Хмара.

Воевода.

Мой сынъ уже въ гробу?

Хмара.

Въ гробу ужъ почиваетъ

Воевода.

Жена моя—еще не умерла?

Хмара.

Жива,

но ей уже недолго.

Воевода.

А теперъ, панъ Хмара,
что ни случилось бы со старой головой
моей, меня ты не оставишь?

Хмара.

На крестѣ

могу поклясться въ этомъ.

Воевода.

Ты, вѣдь, видѣлъ войско
по-близости?

Хмара.

Когда за гробомъ ѣхалъ, встрѣтилъ
войска и пушки. Шли сюда.

Воевода.

Отсюда будетъ
двѣ мили?

Хмара.

Да, двѣ мили будетъ.

Воевода.

Слава Богу.
У насъ довольно времени. Король, конечно,
уѣхать хочетъ. Короля я отпущу
Но пажъ... пажъ здѣсь останется—и навсегда,
хотя бы это стоило мнѣ головы
сѣдой. Иди и жди приказа.

Хмара выходитъ.

<http://rcin.org.pl>

Да, ни разу
еще я не заплакалъ... Это мщенье выжгло
изъ глазъ моихъ все слезы. Только я боюсь,
чтобъ не ушло оно теперь изъ рукъ моихъ.

Сцена 2.

Воевода, король въ дорожной одждѣ, Мазепа, нѣсколько
королевскихъ слугъ.

Король.

Мой воевода, намъ желательно-бы было
съ тобою вмѣстѣ надъ открытою могилой
оплакать юношу, который и для насъ
былъ доблестнымъ и храбрымъ воиномъ. Да,
это—
воистину печальная утрата. Вѣдь, вчера
онъ былъ здѣсь съ нами, разговаривалъ,
смѣялся,
сегодня-же онъ гдѣ-то передъ Богомъ, свыше
глядитъ сюда на насъ и, насъ жалѣя, терномъ
онъ называетъ розы жизни. Тайна есть
глубокая—въ такой безвременной кончинѣ,
когда уносятся все юныя надежды
въ иной какой-то мѣръ. И странно, что порой
еще смѣется громко человѣкъ, живущій
въ невѣрномъ этомъ мѣрѣ. Но возможно-ль
спорить
съ судьбой? Мой старый другъ, лишь только
эти раны
твои переболятъ, тебя попросимъ къ намъ
въ столицу, въ гости. Право, грустно мнѣ по-
кинуть
сейчасъ твой домъ, но интересы госудаства
не ждутъ... Я тороплюсь...

Воевода.

Обряда погребенья
еще не справили, а ты, панъ, уѣзжаешь!

Король.

Вѣрь, воевода, что когда бы безъ вреда
для государства могъ остаться...

Воевода.

Вотъ: зачѣмъ
напрасныя слова, король! Уѣдешь ты
изъ замка, но убійца сына моего
останется.

Король.

Но, ради Бога, панъ,—зачѣмъ?
<http://rcin.org.pl>

Воевода.

Чтобъ дать отвѣтъ за все.

Король.

Что это значить? Панъ не думаетъ-ли здѣсь затѣять судъ? Не лучше-ль немного въ свой расчетъ принять и короля? Иль онъ такъ крови человѣческой и мукъ жестокихъ жаждетъ? Знаетъ Богъ, я плюнуть въ очи себѣ не допущу! Ты головой своей отвѣтишь. Можетъ быть, ты бунтъ затѣять хочешь? Иль королевскую особу замышляешь лишить свободы?

Воевода.

Нѣтъ, король уѣдетъ. Только— безъ пажа онъ уѣдетъ, говорю.

Король.

Посмотримъ, какъ ты осмѣлишься насъ задержать. Задору есть много, но осмѣлься...

Воевода.

Силы никакой я не употреблю. Но путь тебѣ, король, могилы заградятъ.

Король.

За саблю, господа!

Воевода.

Моя лежитъ въ ножнахъ. Велѣль я жерла пушекъ заткнуть. Не буду я сопротивляться силой. Но только будетъ въ домѣ у меня, король, одинъ порогъ, котораго не переступишь,— хотя порогъ—поистинѣ для королевской ноги...

Король.

Высокомѣрный гадъ!

Воевода выходитъ въ соседнюю комнату и возвращается, неся на рукахъ гробъ сына, который ставитъ поперекъ дверей.

Воевода.

Ну, вотъ, король, гробъ сына моего. И этотъ трупъ святой тебѣ, король, порогомъ будетъ. Идетъ теперь отецъ. Пусть шпора королевская пронзитъ

сыновье тѣло. Пусть испытанъ будетъ всякій позоръ въ моемъ роду. Дай пажа мнѣ, король иль перейди порогъ.

Король.

Возьми отсюда трупъ.

Воевода.

О, хижина моя отлично заперта теперь! Ну, что, панъ пажъ, со мною остаешься? Согласенъ-ли? Я на одинъ лишь день хочу тебя имѣть. Среда сегодня? Отпущу я въ пятницу тебя. И отпущу живымъ,— ручаюсь головой. Но только и живого хочу имѣть тебя—хотя на часъ... Клянусь, Святая Матерь Божья. предъ тобой, что пажъ живымъ отсюда выйдетъ. Только я хочу имѣть его въ рукахъ.

Мазепа про себя.

Вотъ бѣшеный старикъ!

Змѣиными руками хочетъ оплести меня, какъ плющъ.

Воевода къ королю.

Клянусь, король, что отпущу

его живымъ.

Мазепа въ сторонѣ къ королю.

Оставь меня, король, а самъ отсюда уѣзжай. Твои войска, вѣдь, близко. Приѣдешь вновь сюда и пушками откроешь себѣ дорогу въ замокъ. Ничего со мною здѣсь не случится; ты-же потеряешь свой престижъ, король. Счастливое есть у меня предчуветвіе... Я буду мужественнымъ... Ты вернешься черезъ часъ.

Король, подумавъ, къ воеводѣ.

Ну, что-жъ, упрямый старецъ, тебѣ оставлю пажа. Но за волосокъ одинъ, упавшій съ головы его, за то что ляжетъ пятнышко одно на честь его, ты мнѣ отвѣтишь головою.

Воевода.

Въ этомъ домѣ страданья—пажу будетъ хорошо.

Король.

Еще увидимся, старикъ!

Воевода беретъ на руки гробъ. Король и слуги выходятъ.

Сецна 3.

Воевода, Мазепа, потомъ Хмара и слуги въ траурѣ.

Воевода.

Увидимся-ль—не знаю!
Здѣсь катафалкъ широкій. Можетъ быть, и я
уйду за сыномъ. Смерть здѣсь косить жатву.
Вотъ
смотрите, какъ несетъ Христову ношу тотъ,
кто самъ готовъ свалиться трупомъ.

Ставить гробъ посрединѣ зала.

Мазепа, оставшись впереди, разсуждаетъ самъ съ собою, пока
воевода надъ гробомъ отдастъ приказанія.

Значить, я,
какъ королевскій выкупъ, здѣсь остался. Стар-
рый
не обращаетъ, кажется, вниманья... даже
не смотритъ на меня. Но желчь кипитъ въ
немъ страшно...
Онъ все блѣднѣй... И все чего-то ищетъ, словно
подыскиваетъ мщенье.

Воевода.

Эй, панъ Хмара!

Входить Хмара со слугами.

Здѣсь
поставить катафалкъ. А труповъ будетъ—два.

Мазепа.

Мнѣ что-то холодно.

Воевода.

Поставить рядомъ свѣчи.

Мазепа.

Охъ, если-бъ смерть моя хотя была быстра,
какъ молнія...

Воевода.

И на другомъ гробу ты также
прибьешь мои гербы.

Мазепа.

Тогда—не для меня...

Воевода къ Мазепѣ, ударяя его по плечу:

Панъ!

Мазепа.

Что?

Воевода.

Считаешь дыры тамъ, на потолокъ?

Мазепа.

Гляжу на потолокъ безъ цѣли.

Воевода.

Старый домъ!

Мазепа.

Онъ долго выдержитъ еще.

Воевода.

Гораздо дольше,

чѣмъ многіе изъ насъ.

Мазепа.

Жизнь наша—въ Божьей
власти.

Воевода.

Мнѣ панъ позволить одного его оставить?
Несчастье въ домѣ у меня... Оставлю пана
вотъ съ нимъ...

Указываетъ на гробъ сына и говоритъ, обращаясь къ нему.

Ну, встань, сонливецъ! Подымись-же
и гостя занимай. Что?.. Развѣ никогда?
Ужъ никогда?.. Гореть праха! Нѣсколько досокъ,
и все?

Мазепа про себя

Старикъ несчастный!

Воевода.

Попрошу тебя
остаться съ этимъ скучнымъ человѣкомъ, съ
нимъ
развлекъся какъ-нибудь... немножко... сколько
можно,
пока я возвращусь.

Мазепа.

Одна есть у меня
къ тебѣ, панъ, просьба

Воевода.

Что? Быть можетъ у тебя
есть мать, которую ты кормишь? Дамъ ей хлѣба,
засыплю хлѣбомъ старую, когда умрешь.

Мазепа.

Тутъ надо откровенно говорить. Твой сынъ,
панъ воевода, прежде чѣмъ скончался...

Воевода.

Прежде...
что-жъ дальше?

Мазепа.

Передалъ мнѣ нѣсколько своихъ
последнихъ просьбъ.

Воевода.

Сойди съ ума, старики! Его—
сынъ сдѣлалъ исполнителемъ последней воли!

Мазепа.

Ты, значить, терпѣливо, панъ, мои слова
не можешь выслушать?

Воевода.

Безъ отвращенья!

Мазепа.

Богомъ
и смертью—думаю, ужъ близкой—я клянусь,
что чисты все намѣренья мои при этомъ.
Мнѣ бѣдный мальчикъ поручилъ, чтобъ я
добился
свиданья съ пани, съ матерью...

Воевода.

Пришлю къ тебѣ

ее.

Выходить.

Сцена 4.

Мазепа одинъ, потомъ Амелія.

Мазепа.

О, Боже мой, его слова такъ ранять
меня, но все снести я долженъ терпѣливо.
И надо приготовить душу къ смерти... Надо
предъ Божьей Матерью покаяться у гроба...
Потомъ я гордо буду голову носить,
и Пресвятая Троица мнѣ поможетъ!

Входитъ Амелія: волосы ея распущены; она вся въ бѣломъ.

Вотъ

она... какая блѣдная!

Амелія дѣлаетъ знакъ, чтобы онъ не приближался.

Убійца!

Нѣтъ...

позволь приблизиться къ тебѣ, бѣдняжка-пани.
Нѣтъ, не гони меня теперь... Мы цѣлью тайны,
какъ братскія три тѣни, связаны навѣки.
Умершему я обѣщалъ исполнить свято
его последнее земное порученье.
Тебя любилъ онъ, пани.

Амелія.

Онъ!

Мазепа.

И даже смерть

его...

Амелія съ отвращеніемъ указываетъ на Мазепу.

О, нѣтъ на мнѣ кроваваго пятна!
Я не убилъ его—нѣтъ.

Амелія дѣлаетъ шагъ къ нему.

Слушай, пани, мы
сошлись въ березовомъ лѣсу. При лунномъ
свѣтѣ
замѣтилъ я его великую печаль
и блѣдность... Что? забилося сердце у тебя?..

Амелія дѣлаетъ рукою знакъ, чтобы онъ говорилъ дальше.

Онъ первый бросился ко мнѣ на шею. Долго
молчалъ,—лишь вздрагивала голова его,
прильнувшая къ моей груди... И руки онъ
мои сжималъ... Увы! въ рукѣ моей въ то время
былъ заряженный пистолетъ... Внезапно вы-
стрѣлъ
услышалъ я. И вижу онъ, хватая воздухъ
руками, навзничъ падаетъ... Я нагибаюсь,
смотрю: сбѣгаетъ узенькій шнурокъ коралловъ
по панцырю и красить лепестки цвѣтовъ.
Открылъ глаза—въ нихъ луннымъ золотомъ
сіялъ
небесный свѣтъ—и такъ сказалъ: „прости меня...
ты былъ здѣсь рыцаремъ невинно-оскорб-
ленной...“

я гибну отъ руки благословленной ею...
простите... вспоминайте вмѣстѣ обо мнѣ...“
Потомъ безсвязныя молитвы повторялъ
и, наконецъ, закрылъ глаза, омытые слезами,
и въ шопотѣ послѣднемъ называлъ тебя.

Амелія начинаетъ рыдать.

Да, плачь о немъ, плачь, пани! Плачь... Тотъ
кто въ гробу,
достоинъ нашихъ слезъ и памяти во вѣки...
Амелія, теперь я братъ тебѣ по скорби.
И если бы когда-нибудь я, сирота
несчастный при дворѣ... вѣдь, у тебя другихъ
нѣтъ братьевъ?.. если бы такое существо

безвѣстное, какъ я, могло тебѣ помочь,
молю тебя...

Опускается на колѣно

Амелія кладетъ руку на голову колѣнопреклоненнаго пажа и на-
клоняется надъ нимъ

Пусть ангелы Пречистой Дѣвы
позолотятъ твой путь... А я... я умираю.

Сцена 5.

Тѣ-же, воевода

Воевода схватываетъ Амелію за руку и отбрасываетъ ее отъ
пажа.

Что? здѣсь—при трупѣ?

Амелія

Панѣ, меня толкать не надо
я упаду сама... Я отравилась.

Шатаюсь, идетъ и падаетъ на колѣни возлѣ гроба.

Воевода.

Гордо!

Но тамъ, надѣтскій гробъ, ты, пани, не ложись.
ты осквернишь его!

Мазепа.

О, ужасъ!.. Дай-же ей
ты умереть, старикъ!

Воевода.

Что?.. Трупъ—ты!

Сцена 6.

Тѣ-же, Хмара, затѣмъ гонецъ отъ короля.

Хмара.

Здѣсь гонецъ

отъ короля.

Воевода.

А, воронъ смерти! Пусть влетитъ
уже готова падалъ,—свѣжая притомъ!

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Его величество, король, изволилъ встрѣтить
въ пути свои войска. Теперь онъ передъ зам-
комъ

стоитъ и предлагаетъ пану воеводѣ
открыть ворота. О своемъ придворномъ также
напоминаетъ пану...

Воевода.

Вотъ—ты, золотая
дворянская свобода! Замка я не дамъ.
Пусть самъ беретъ его—король! А о придвор-
номъ...
король повѣрить слову дворянина можетъ
спокойно... Пажа выпущу ему живымъ...
Но только очень ужъ... ловцомъ хорошимъ
будетъ
король, коль пажа онъ поймать сумѣетъ!

Гонецъ.

Тамъ
есть пушки, панъ.

Воевода.

Мы ихъ услышимъ. Прочь
отсюда!

Гонецъ и Хмара уходятъ.

Сцена 7.

Воевода, Мазепа, Амелия, умершая у гроба.

Воевода.

Пусть радуются предки: я, послѣдній въ родѣ,
довольно пышное наслѣдіе оставлю!..

Мазепа.

Морозъ по кожѣ продираетъ...

Воевода, подходя къ Амелии

Что-же, ты!
Гробъ... развѣ это ложе для прелюбодѣвъ?
Что-жъ, пани, ты молчишь? Га? Я открою
грудь
тебѣ и погляжу на страхъ твой. Ну, вставай!
Встань, лицомѣрка! Ты была всегда такой
опрятной, чистой, а теперь ты не боишься
обратиться въ пепель, въ трупный прахъ?..
Ну, подымись-же
—и прочь ступай!

Сбрасываетъ ее съ гроба

О, какъ можно загрязниться,
къ такимъ вещамъ руками прикасаясь.. Пфу!

Къ Мазепѣ, который наклонился надъ тѣломъ Амелии

Послушай, висѣльникъ, сорвавшійся съ ве-
ревки,
ты мнѣ жены не трогай!

Мазепа, поднимаясь

Бѣшенный старикъ!

Мнѣ было жаль твоихъ сѣдинъ, и думалъ я,
что ты несчастливъ. Но теперь я презираю
тебя!

Воевода.

Ты говоришь разумно, парень. Вотъ что:
я сяду тутъ, на гробѣ... мы поговоримъ!
Ну, что-же дальше?

Мазепа.

Подлая душа въ тебѣ.

Я не боюсь тебя.

Воевода.

Да?

Мазепа.

Могъ-бы сокрушить я
въ прахъ сердце подлое твое, сразить тебя,
какъ молнія съ небесъ... Встань съ гроба! Подъ
тобой
тамъ вздрагиваетъ трупъ отъ омерзенья!

Воевода.

Трупъ...

трупъ сына моего?..

Мазепа.

Да, сына твоего!

Онъ мучается... чувствовать тебя не хочетъ
онъ надъ собой и стонетъ тамъ въ гробу...

Такъ встань-же,
ты—оскорбитель мертвыхъ!—и пади на землю,
ницъ упади съ мольбою, потому что я,
какъ ангель-метитель ихъ стою передъ тобой!
Я сдерживаю громъ въ устахъ своихъ и только
изъ жалости теперь его я не бросаю
на голову твою несчастную, сѣдую,
на нищенскую голову твою!

Воевода.

Ты глупъ.

Ты говоришь, и рядомъ слушаютъ два трупа
тебя, а самъ ты—третій трупъ!

Мазепа.

Я положился
уже на Бога. Но покайся, воевода!
Покайся, потому что вѣсть моя грозна,
и если я скажу, ты собственной кровью
своею захлебнешься.

Воевода.

Говори!

Мазепа.

Но пань

пусть встанеть съ гроба!

Воевода.

Говори, иль голова

твоя...

Мазепа.

Такъ пусть-же раньше напоить она
тебя тоской и желчью неизбывной... Знай:
до самой смерти онъ любилъ ее, она-же
его любила!

Воевода, срываясь съ мѣста.

Лжешь!

Мазепа.

А! ты поднялся съ гроба!

Воевода.

О, Пресвятая Троица!

Мазепа.

И твой сынъ убилъ
себя изъ-за жены твоей!

Воевода.

Мой сынъ... постой...

Припоминаю!.. Правда-ли?.. О, негодяи!

Слышенъ гулъ пушечной пальбы. Нѣсколько ядеръ влетаютъ въ
залъ.

Иди отсюда, пань: вотъ ядра ужъ летаютъ...
Безстыжіе!.. Иди-же.

Мазепа.

Съ королемъ сюда
вернуешь я, воевода. Знай: твой сынъ хотѣлъ-
бы
лечь рядомъ съ ней въ могилѣ.

Воевода.

Прочь!

Мазепа.

По волѣ вашей
я удаляюсь, пань, отсюда, что бы тамъ
меня ни ждало за порогомъ!

Выходить. Слышно, какъ въ корридорѣ нападаютъ на него воору-
женные люди. Шумъ короткой борьбы.

Сцена 8.

Воевода одинъ.

Беруть его... и вяжутъ. Это мечь моя
врагу! Уже впились веревки въ тѣло... Конь
сейчасъ поволочить его!.. Мой сынъ! мой сынъ!
мнѣ холодно... Отецъ твой бродить по колѣна
въ крови... Но пусть кровавый призракъ не
пугаетъ
тебя... Что это?.. Почему здѣсь такъ темно?..
Какія чудища цѣлуются такъ громко
тамъ, въ темномъ корридорѣ?.. Встань-же!
Встань изъ гроба!
Встань, опозоренный бѣднякъ! Скажи, что
это—
неправда! Прикажи доскамъ согнуться... Встань!
Откройся гробъ! Тебя прощу я, если ты
падешь къ моимъ ногамъ... Я приближенье
слезъ
ужъ чувствую... О, гробъ! Вѣдь, я црощу
тебя...
да, я—отецъ прощу, коль ты со мною вмѣстѣ
заплачешь... Прочь отсюда, трупы! Прочь!
Пусть гонять
васъ дьяволы чрезъ адскіе огни! Не надо
обмановъ больше... и не надо жизни!

Сцена 9.

Воевода, Хмара, затѣмъ король во главѣ вооруженной
свиты.

Хмара.

король!

Здѣсь...

Воевода.

Подай кинжалъ.

Хмара.

Пади къ ногамъ...

Воевода.

Въ болото?

Король входитъ.

Ты, воевода, головой заплатишь...

Воевода, ударяя себя кинжаломъ.

Вотъ:

бери ее... Глумись надъ нею!—Но меня
вели похоронить вдали отъ этихъ труповъ!

Падаетъ мертвый.

INSTYTUT
BIBLIOTEKI I ARCHIWUM
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-69-63

Книги **Ал. Вознесенскаго.**

Хохоть. Драма. 4 акта. Изд. „Шиповникъ“. 1910.
Поэты, влюбленные въ прозу. Критич. очерки.
Изд. „Гонгъ“. 1910.

Переводы:

Эросъ и Пеихея. Ю. Жулавскаго. Изд. „Польза“.
Свадебный вѣнокъ. Его-же.
Снѣгъ. Ст. Шибышевскаго.
Ради счастья. Его-же.
Мать. Его-же.
Гости. Его-же.
Въ сѣтяхъ. Ю. Кисилевскаго.
Ночь. В. Грубинскаго.
Въ июльскую ночь. Б. Горчинскаго.
Графиня д'Арманьякъ. К. Фольмеллера.
Съ другого берега. Ф. Сальтена.
Легкомысленная сестра. В. Пежинскаго.
Мазепа. Ю. Словацкаго.

Складъ изданія

Книжный магазинъ „Одесскихъ Новостей“

Дерибасовская, 20.

Одесса.

Телефонъ 24-20.

<http://rcin.org.pl>

F

24.060